РОДЖЕР

ЧУЖИЕ ЖИЗНИ

18+

Роджер

Чужие жизни

«Автор»
2026

Роджер

Чужие жизни / Роджер — «Автор», 2026

Кирилл приглашает трёх женщин на один и тот же спектакль. Каждой он обещал вечер вдвоём. В театре зрителям выдают маски и отпускают бродить по залам старого особняка. Кирилл купил билеты на разное время и заранее разузнал, куда ведёт каждая лестница. В Иркутск, где его тоже ждут, он отправил цветы.Наутро приходит повестка. «Костя, ты ведь не военный», — говорит Александра, когда он сообщает ей, что снова едет на фронт. Она принесла ему на дорогу брелок в виде домика. Кирилл берёт подарок и впервые думает о том, что, случись с ним беда, искать его она будет под чужим именем.В госпитале его попросят назвать близкого человека, который сможет помочь ему после выписки. У Кирилла есть кому позвонить. Строка в анкете останется пустой.

© Роджер, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 13
Глава третья 20
Глава четвёртая 27
Глава пятая 34
Глава шестая 42
Глава седьмая 49
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Чужие жизни

Глава первая
Чужие деньги

Накануне своего исчезновения Кирилл собирался ужинать на кухне. На соседнем стуле висел серый шарф, который Виктория оставила у него в машине. Кирилл занёс его домой, чтобы вернуть при встрече. Шарф был таким тонким, что он всякий раз удивлялся, как она носит его в московском январе.

Виктория позвонила по видеосвязи, когда он доставал тарелку. Кирилл поставил ноутбук на стол.

— Покажи-ка, что у тебя в шкафу, — попросила она.

Он повернул ноутбук к открытым дверцам.

— У тебя опять нет нормальных тарелок.

— Там восемь тарелок.

— Четыре огромные и четыре для оливок. Ты покупал сервиз по фотографии?

— По размеру скидки.

Виктория прищурилась. Кирилл первым не выдержал и рассмеялся. Никакой скидки не было. Сервиз выбирал дизайнер, которому он заплатил именно за то, чтобы самому не выбирать тарелок. Со стороны Кирилл, наверное, казался обеспеченнее, чем был. После удачной сделки мог два месяца жить на комиссионные, а на третий уже тратил деньги, которые ещё только рассчитывал получить. Он положил два круассана на самую большую тарелку и показал Виктории. По краям осталось столько места, что она присвистнула.

— Вот. Ресторанная подача. Две тысячи рублей за пустоту.

— За воздух. Пустота дешевле.

Кирилл поставил тарелку перед собой. Виктория отхлебнула чаю, поморщилась — остыл. Ему захотелось, чтобы они могли вот так сидеть за одним столом, чтобы можно было встать и подлить ей кипятку. Он спросил, как прошёл день. Виктория рассказала о заказчике, который трижды утвердил один и тот же оттенок стен, а теперь требовал срочно его поменять. Заказчика она изображала тихим, почти просительным голосом. Кирилл засмеялся. Ему нравилось слушать, как она рассказывает о своей работе. Он бы и при дневном свете не отличил один образец краски от другого, а Виктория помнила, какой из них заказчик выбрал ещё в октябре.

Когда они познакомились, Виктория жила с другим мужчиной. Первое время они с Кириллом только переписывались и созванивались. Иногда посреди разговора она понижала голос и торопливо говорила: «Я тебе завтра напишу». Кирилл ещё несколько секунд держал телефон у уха, хотя связь уже прервалась. Виктория потом говорила, что давно собиралась уйти. После первой ночи с Кириллом она вернулась домой, объяснилась с мужчиной, с которым жила, и ушла от него.

В тот год они с Кириллом успели и помечтать об общей квартире, и всерьёз поссориться из-за того, где поставить стол, которого ещё даже не купили. Случались ссоры и потяжелее. Кирилл уезжал, отмалчивался, а когда наконец отвечал, Виктории уже ничего не хотелось спрашивать. Они расстались. Незадолго до того январского вечера они снова сошлись. О прежних обидах почти не говорили. Кирилл знал, что любит её. Знал и то, с какой тревогой когда-то ждал её звонков. Теперь его мучила мысль о человеке, который жил с ней под одной крышей и, может быть, до последнего утра ни о чём не догадывался.

Иногда Кирилл представлял, как они с Викторией завтракают вдвоём и из соседней комнаты их зовёт ребёнок. Ему хотелось однажды сказать Виктории, каким он видит их дом. Вся-

кий раз, когда разговор подходил к этому, Кирилл вспоминал, как началась их собственная история. Если однажды Виктория разлюбит его самого, сколько вечеров они ещё просидят вот так, за чаем, прежде чем она ему скажет? Спросить об этом Кирилл тоже не решался.

Телефон на подоконнике дважды завибрировал. Весь день Кирилл ждал подтверждения, даже выходил со встреч, чтобы проверить сообщения. Теперь, когда оно наконец пришло, он продолжал смотреть на Викторию.

— Прочти, — сказала она. — Ты уже третий раз туда посмотрел.

В сообщении было четыре слова: «Поступление видишь? Объём полный». Кирилл ответил, что проверит, и положил телефон возле тарелки.

— Всё нормально?

— Да. Завтра расчёт.

— По тому делу, где все друг другу не доверяют?

— Это слишком широкое описание моей работы.

Кирилл называл себя организатором сделок. Слово «посредник» ему не нравилось. Получалось, будто он только и делает, что передаёт чужие слова, а ведь порой уходили недели, прежде чем двое людей соглашались хотя бы сесть за один стол. Если сделка срывалась, об этих неделях никто больше не вспоминал. Если удавалась, непременно кто-нибудь удивлялся, с чего ему такие деньги за несколько звонков. Предстоящая сделка выглядела проще обычного. Кириллу поручили принять биткоины, организовать обмен и проследить за расчётом. Размер его доли оговорили заранее. Своих денег он не вкладывал. Риск лежал в коротком промежутке между двумя операциями, когда курс мог измениться. Порядок действий Кирилл за день повторил про себя столько раз, что сумел бы продиктовать его спросонья. Хуже было с обещаниями, которые ему дали на последней встрече.

Биткоины принадлежали Глебу Ратману, выступавшему под именем Ратма. Кирилл видел его лицо на афишах и однажды слышал, как водитель такси подпевал его песне, но за двумя личными встречами так и не сумел разглядеть человека, с которым предстояло иметь дело. На второй встрече Глеб десять минут искал чехол для телефона, затем объяснял, что любит всё контролировать, а после передал почти все вопросы управляющему Денису. Кирилл тогда решил, что известность позволяет не замечать собственных противоречий; теперь ему предстояло обеспечить расчёт, не полагаясь на эту удобную привилегию клиента. Денис и вправду ничего не упускал. Уточнял написание фамилий, перезванивал после согласования, просил подтвердить очевидное. Был худым мужчиной в одинаковых серых джемперах, говорил без улыбки и умел произнести «мы договорились» так, словно это означало «я сохранил доказательства».

За три дня до этого они сидели в маленькой переговорной над студией. Внизу репетировали: через перекрытия проходил бас, и стаканы на столе едва заметно подрагивали. Кирилл приехал к назначенному часу, но Глеб опоздал на сорок минут. Денис всё это время отвечал на звонки, выходил в коридор и возвращался с одинаковым извиняющимся движением бровей. Ни одного прямого извинения он не произнёс. Когда Глеб появился, выяснилось, что обсуждать цифры ему скучно. Он был ниже, чем казался на сцене, и гораздо тише. Снял толстовку, остался в белой футболке, развернул к себе стул.

— Мне главное, чтобы без приключений, — сказал он.

— Тогда нужно зафиксировать, кто за что отвечает, — ответил Кирилл.

Глеб кивнул, но смотрел уже на Дениса. Управляющий положил перед Кириллом папку, где лежали распечатанные условия. Большинство пунктов они согласовали заранее. Теперь рядом с одним из них появилась новая приписка: расходы на возможное изменение условий расчёта возлагались на организатора.

— Это убираем, — сказал Кирилл.

— Стандартная страховка, — ответил Денис.

— От чего? От решения вашего клиента передумать?

Глеб поднял глаза.

— Я не передумаю.

— Значит, пункт не нужен.

Они посмотрели друг на друга. Кирилл заметил, как Денис чуть подался вперёд, готовый сгладить разговор. Глеб опередил его: усмехнулся и взял ручку.

— Нормально. Я бы тоже не подписал.

Он зачеркнул строку, хотя подписывать документ должен был не он. Денис забрал лист, выровнял его по краю папки и пообещал выслать чистую версию. Кирилл почувствовал привычное удовлетворение: удалось удержать границу, не поссорившись. Именно такие мелкие победы потом заставляли считать всю сделку контролируемой.

— Ты вообще давно этим занимаешься? — спросил Глеб.

Кирилл ответил коротко. Упомянул нескольких людей, чьи имена были известны обоим, но не стал перечислять успехи. Клиент хотел прежде всего понять, насколько вероятны неприятности. Это Кирилл понимал.

— Я просто хочу часть вопросов закрыть, — сказал Глеб. — Вечно деньги где-то едут. Вечно кто-то обещает. Мне пишут: «У тебя же всё хорошо, чего ты нервничаешь?» Знали бы они, сколько времени я трачу на это чужое «завтра».

Впервые за сценическим образом Глеба Кирилл разглядел усталого человека. Тот достал телефон, увидел сообщение и нахмурился. На обложках он выглядел постоянно довольным. Здесь растирал переносицу и просил принести обычной воды. Они разговаривали ещё полчаса, и Глеб к концу встречи почти целиком передал обсуждение Денису. Только перед уходом он сам вдруг спросил, сколько Кириллу лет.

— Тридцать один.

— С виду можно подумать, ты всю жизнь командовал.

— Это из-за рубашки.

Глеб засмеялся. Денис — нет. В лифте управляющий сказал, что в последние недели у артиста много напряжения и не нужно принимать его слова слишком близко к сердцу.

— Какие именно? Про рубашку?

— Про то, что он не передумает.

Кирилл повернулся к нему.

— Тогда вы зря зачеркнули пункт.

— Мы его всё равно согласуем.

Лифт открылся. Несколько молодых людей в наушниках переносили аппаратуру через холл. Один узнал Дениса и начал спрашивать про оплату. Управляющий поднял ладонь: потом. Кирилл вышел на улицу и остановился под козырьком. Ему не понравился этот разговор. Отказываться от таких комиссионных из-за неприятного разговора ему не хотелось. В машине он позвонил старому знакомому Арсению, с которым иногда советовался после таких переговоров. Они не были друзьями. Именно поэтому Арсений мог говорить вещи, которые друзья обычно смягчали.

— Ты видел стороны, видел документы, понимаешь, что делаешь? — спросил тот.

— Да.

— Тогда чего ты хочешь от меня?

— Услышать, что я ничего не пропустил.

— Я там не был, Кирилл.

— Тебе как это всё на слух?

— По описанию у тебя человек, который хочет, чтобы всё прошло спокойно. Такие обычно первые потом говорят, что ничего не знали.

Кирилл помолчал. За лобовым стеклом женщина стряхивала снег с детского самоката, который ребёнок зачем-то принёс на зимнюю прогулку.

— Ты советуешь отказаться?

— Я советую не путать своё желание получить комиссию с независимой оценкой риска.

— Спасибо. Очень полезно.

— Ты же поэтому и позвонил. За бесполезным одобрением.

Кирилл отключился без раздражения. Арсений был прав лишь отчасти, решил он. Любой риск можно описать так, чтобы разумный человек больше не выходил из квартиры. Люди, которые ничего не организуют, особенно любят напоминать организаторам, что гарантий не существует. Номер Арсения он всё-таки передвинул повыше в списке контактов. Это казалось достаточной мерой осторожности.

На обратном пути заехал в аптеку за лекарством для матери: она просила найти упаковку определённого производителя и завезти ей домой. В очереди перед ним стоял мужчина, долго выяснявший разницу между двумя одинаковыми коробками. Кирилл сначала раздражался, потом услышал цену и понял, какое значение имеет эта покупка для человека, которому предстоит жить на пенсию и оплачивать лекарства.

Когда подошла его очередь, аптекарь предложила пакет. Он отказался, затем передумал: нужно было донести покупку до машины, а карманы пальто уже были заняты. Вышел на улицу с маленьким пакетом и почему-то вспомнил Глеба, просившего обычной воды. Отношение к чужому времени многое говорило о людях, даже когда желания у них совпадали. Матери он позвонил прямо из машины. Она спросила, не занят ли он, хотя звонил он сам. Сказала, что лекарство могло подождать, потом немедленно уточнила срок годности. Кирилл прочитал цифры на коробке. Она успокоилась и спросила про Викторию.

— Хорошо у нас всё.

— Новый год всё-таки порознь встречали? — спросила мать.

Кирилл подтвердил: Виктория была у своих, он остался в другой компании. Они собирались увидеться на праздниках, но всякий раз находилось что-нибудь, что нельзя перенести, и получилось несколько коротких встреч вместо обещанных общих дней. Мать выслушала и спросила, часто ли они в последнее время откладывают встречи.

— Мы не ссорились, — ответил Кирилл. — Просто так сложилось.

— Я не про ссору. Когда всё время складывается, обычно кто-нибудь один складывает.

Кирилл хотел возразить. Они с Викторией спокойно провели праздник порознь, и это ничуть его не огорчило. Объяснить это матери было бы труднее, чем признаться в ссоре. Она спросила, не слишком ли много он работает. Кирилл невольно улыбнулся: мать умела так выразить своё недовольство, что получалось почти ласково. Он ответил, что скоро возьмёт несколько дней.

— Вы с ней куда-нибудь съездите, — сказала мать. — Не обязательно дорого. Главное, чтобы не на два дня.

— Поедем.

Она долго рассказывала о соседке, у которой дочь вернулась домой после развода. Кирилл слушал, периодически включая поворотник, и всё ждал, когда мать перейдёт к нему самому. Напрасно ждал. Ей было жаль соседкину дочь.

— Иногда лучше не спрашивать, почему так получилось, — закончила она. — Сначала чай поставить.

Кирилл пообещал перезвонить в выходные. Убрав телефон, он подумал, что вечером вполне мог бы съездить к матери и посидеть с ней на кухне. Он открыл карту, прикинул время в дороге, но тут пришло сообщение Дениса, и Кирилл переключился на переписку. Поездку он мысленно перенёс на следующую неделю, когда закончится расчёт. В квартире поставил аптечный пакет возле двери, чтобы взять его с собой. Наутро один из незнакомых мужчин

переставит этот пакет ногой, освобождая проход. В пятом часу Денис снова позвонил и уточнил время предстоящей встречи.

— Не переносим. Глебу потом неудобно.

— Я помню.

— Люди те же, договорились?

— С моей стороны ничего не меняется.

— Хорошо. Тогда переводим.

Теперь деньги пришли. Кирилл сдвинул пустую тарелку и открыл рядом с окном видеозвонка рабочее приложение. Виктория у себя разбирала снимки для презентации. Время от времени он слышал, как она щёлкает мышкой. На его счёте стояло девяносто шесть биткоинов. Всего две цифры. Даже остаток на рублёвом счёте казался внушительнее, и Кирилл невольно проверил, в каких единицах указана сумма.

— Много? — спросила Виктория, заметив, как он придвинулся к экрану.

— Не моё.

— Я не это спросила.

— Много.

— Завтра отдашь всё до последнего?

— Да.

Виктория кивнула, словно ему предстояло вернуть взятую напрокат машину, и вернулась к фотографиям. Кирилл когда-нибудь хотел удивить её деньгами, которые сам заработал. Сейчас он был благодарен за то, как спокойно она отнеслась к чужим. Он записал время поступления, сверился с перепиской и закрыл приложение. Утром деньги предстояло передать дальше.

— Весной куда поедем? — спросила Виктория.

— Давай сначала завтра закончу.

— Я не прошу сейчас покупать билеты. Просто куда.

— В Испанию.

— Ты опять хочешь поговорить с официантом по-испански и сойти за местного?

— Это преимущество, которое нельзя растрачивать.

— Ты в прошлый раз двадцать минут обсуждал с официантом футбол. Мы даже не знаем, за какую команду ты болеешь.

— Теперь он тоже не знает.

Она засмеялась. За окном снегоуборочная машина толкала к обочине серый вал. Прохожий остановился, переждал, поднял повыше пакет с красными ручками и переступил через снег. В Испании уже сейчас, наверное, можно было завтракать на улице. Кирилл сказал, что завтра посмотрит билеты. Комиссионных за сделку хватило бы на двоих. У Виктории за спиной погасла вывеска. Было почти десять.

— Давай ещё немного посидим, — попросил он.

— Мне с утра в мастерскую. Курьер привезёт образцы чуть свет. Кошка вон уже полчаса миской гремит.

Кирилл вспомнил, как эта кошка однажды уселась перед самой камерой и весь остаток разговора он видел только серое ухо. Виктория тогда назвала её по имени. Сейчас он никак не мог его вспомнить.

— Покажешь её? — попросил он.

— Сейчас она интересуется только ужином.

Виктория потянулась к ноутбуку, и он вдруг разглядел у неё на переносице розовую вмятинку от очков. Ему захотелось завтра заехать за ней после работы и проехать хоть часть дороги вместе.

— Давай я тебя завтра заберу.

— Во сколько?

— Позвоню после встречи.

Виктория подняла брови.

— Это не время.

— До вечера освобожусь.

Виктория несколько секунд смотрела на него. Кирилл уже потянулся было к календарю, чтобы назвать ей точный час, когда она улыбнулась.

— Только не забудь.

— Что именно?

— Меня забрать.

— Не забуду.

Экран погас. Кирилл взял со спинки стула шарф и написал ей: «Завтра и шарф верну». Виктория ответила: «Значит, есть повод увидеться». Кирилл повесил шарф обратно на стул, набрал шутку про залог, стёр и отправил сердечко. Несколько минут назад он слышал, как у неё на кухне звенит кошачья миска, а теперь в квартире слышно было только холодильник. Кирилл включил музыку, убрал чашку и тарелку в посудомоечную машину. В половине одиннадцатого позвонил Денис.

— Получение подтвердили. Утром девять сорок.

— Да.

— Глеб не приедет. Буду я.

Кирилл остановился посреди кухни.

— Мы договаривались иначе.

— У него запись. Мои полномочия ты видел.

— Видел. Мне эти перемены перед самым расчётом не нравятся.

— Это не изменение. Получатель тот же.

В голосе Дениса появилась усталость. За день он, вероятно, повторял подобные фразы десятки раз. Кирилл представил студию, где Глеб записывает очередную песню о свободе, пока кто-то другой согласовывает время его расчётов.

— Хорошо, — сказал он. — Остальные условия в силе.

— Конечно.

После разговора Кирилл открыл переписку с человеком, который должен был обеспечить вторую сторону обмена. Тот был в сети. На вопрос о подтверждении ответил почти мгновенно: «Всё по плану». Кирилл посмотрел на эти три слова дольше, чем они заслуживали. Ни один план не становился надёжнее оттого, что кто-то называл его планом. Ему было тридцать один. Возраст, когда осторожность уже перестаёт выглядеть трусостью, но уверенность ещё легко выдаёт себя за опыт. Он не считал себя безрассудным. Наоборот, большую часть знакомых воспринимал как людей, неспособных дочитать документ до конца или проверить простейшую цифру. Он сам перепроверял сведения, сохранял переписку и задавал неудобные вопросы. Постепенно эта предусмотрительность стала казаться ему достаточной гарантией безопасности.

На книжной полке стояла фотография матери, сделанная на подмосковной даче. Она жила в Москве, как и остальные его родные, и до её дома можно было доехать обычным вечером. Кирилл знал дорогу к её дому так хорошо, что мог бы проехать, почти не замечая поворотов, но это удобство странным образом облегчало откладывание визитов. Мать считала его работу чем-то средним между финансовым консультированием и организацией сделок, спрашивала, зачем взрослому человеку обходиться без постоянного офиса, и всякий раз возвращалась к своему «главное, чтобы всё законно». Он заверял её, что всё в порядке, а редкие встречи объяснял московскими расстояниями, хотя оба выросли в этом городе и прекрасно знали дорогу друг к другу.

Закончив разговор с Денисом, он вынул из сумки аптечную упаковку, сверил по переписке название и написал матери, что привезёт лекарство завтра. Она ответила почти сразу: не надо специально мотаться, можно заодно, когда будет поблизости. К её дому не существовало ни одного случайного «заодно», и Кирилл знал, что это разрешение снова превратит вечер в несколько строк на экране. Он набрал, что заедет непременно, а затем задержался над словом, словно уже подписывал обязательство, о котором придётся помнить посреди других. Мать редко расспрашивала о тех годах, когда его исчезновения действительно нельзя было объяснить занятостью. После институтской военной кафедры он прошёл государственную службу в спецподразделении, участвовал по контракту в сирийской кампании и привык к работе, где время возвращения определялось обстановкой. К моменту ухода в запас у него было звание капитана, несколько привычек, от которых трудно избавиться в гражданской жизни, и желание больше не измерять расстояние возможностью доехать под чужим контролем. В семейных разговорах всё это оставалось «службой». Матери достаточно было короткого звонка, чтобы услышать его голос и убедиться, что с ним всё в порядке.

Теперь связь была у него постоянно, и от этого стало легче пропадать по собственной воле. Можно было отправить фотографию из кафе, короткое «всё нормально», несколько слов о встрече, и близкие получали подтверждение, что он жив и занят. Кирилл пользовался этой возможностью с той же уверенностью, с какой прежде проверял заряженный телефон перед выездом, хотя сходство было обманчивым: раньше молчание иногда задавали обстоятельства, теперь он сам выбирал его продолжительность. Про Сирию ему нечего было рассказывать за ужином. В памяти держались подробности, которые плохо работали за ресторанным столом: пыль на внутренней стороне застёжки, тёплая вода, очередь к неисправному душу, голос товарища, просившего передать зарядку. Он умел оставаться собранным, когда люди вокруг начинали торопиться, различал усталость и страх, не рассчитывал, что знание правил само по себе защитит от случайности. В делах с деньгами он почему-то верил, что стоит внимательно прочесть бумаги и отстоять каждую мелочь, как вся сделка пойдёт по написанному.

В сейфе лежали документы о службе, в телефоне хранилась переписка о расчёте, на стуле висел шарф Виктории. Кирилл привык держать каждую вещь на своём месте. Про Викторию мать знала ровно столько, чтобы спросить, как у них дела, и больше ни о чём не расспрашивать. Он открыл чат, посмотрел на сердечко под последним сообщением и убрал телефон. Поздно звонить. Завтра после сделки он привезёт шарф, тогда и поговорят об Испании.

Ночью ему не спалось. Он снова перебрал всё, что предстояло утром: позавтракать, проверить сообщения, к назначенному часу приехать на расчёт. Каждый шаг в отдельности был ему знаком. Отчего же не спится?

В час с небольшим Кирилл получил сообщение от самого Глеба: «Всё норм?» Пришло голосовое. Кирилл включил его негромко. На фоне кто-то смеялся, звучал короткий музыкальный фрагмент, который оборвали на середине.

— Кир, смотри, там эти… Я Денису сказал, без суеты. Мне просто закрыть вопрос. Ты главное на связи. Давай.

Кирилл прослушал запись один раз. Ему не нравилось фамильярное «Кир» от почти незнакомого человека, но крупные клиенты часто сокращали расстояние так же небрежно, как имена. Он написал: «На связи». Эта фраза останется последним подтверждением, которое получит от него хозяин денег.

К утру снег перестал. Кирилл проснулся за несколько минут до будильника, как часто бывало перед важной встречей. В квартире было прохладно. Он прошёл на кухню, поставил чайник, посмотрел на телефон. Новых сообщений не было. Вчерашняя посуда так и стояла в открытой машине, и он почему-то закрыл её дверцу, будто ожидал гостей. В ванной, пока нагревалась вода, рассматривал себя в зеркале. Щетина отросла за два дня. Он решил побриться, хотя мог бы не тратить время. Человек, который располагает чужими миллионами,

должен выглядеть так, будто не провёл ночь перед экраном. Эта мысль показалась смешной, и он улыбнулся отражению.

Кофе остывал на столе, когда раздался звонок в дверь. Посмотрев на часы, Кирилл подумал о соседях: для курьерского звонка было слишком рано. В подъезде недавно меняли домофон, и управляющая компания несколько раз присылала людей без предупреждения. Он надел тапочки, по дороге взял телефон, затем оставил его рядом с чашкой: если снова будут выяснять, почему он не ответил в общем чате жильцов, разговор затянется. За дверью стоял мужчина в тёмной куртке. Чуть сбоку — ещё двое. Первый поднял удостоверение к глазку слишком близко, чтобы Кирилл мог прочитать.

— Полиция. Откройте.

Кирилл не сразу повернул замок.

— По какому вопросу?

Ему назвали фамилию — его фамилию, полностью, с именем и отчеством. От этого обычный лестничный свет за глазком сделался каким-то другим. Он успел подумать о Денисе, о времени встречи, о том, что сейчас нужно позвонить адвокату. Затем услышал требование ещё раз и открыл. С порога кухни был виден серый шарф на спинке стула. Никто из вошедших не спросил, чей он.

Глава вторая
Отсутствующий абонент

В квартиру первым вошёл мужчина, стоявший сбоку. Тот, у кого было удостоверение, ещё держал его в руке. Кирилла никто не толкнул, просто придержали открытую дверь ладонью, и он оказался в узком промежутке между чужим плечом и стеной. Лишь тогда ему дали прочесть бумаги.

— Вы один?

— Один.

— Кто-нибудь ещё здесь проживает?

Он посмотрел на шарф за дверным проёмом.

— Нет.

Ему предложили прочитать документ. Он взял лист и обнаружил, что не может удержать взгляд на строке. Буквы были знакомыми, слова — тоже, но складывались медленнее обычного. Он перечитал фамилию, номер и дату документа, затем задержался на названии организации, с которой работал почти год назад. Выходило, что вопросы возникли из-за давней работы и относятся к событиям, о которых он успел почти забыть. Кирилл поднял голову.

— Вы понимаете, что я там не был сотрудником?

— У вас будет возможность пояснить.

Эту возможность он потребовал немедленно. Мужчина, представившийся следователем, ответил, что сейчас проводится другое действие. Говорил вежливо, почти устало. Кирилл привык понимать вежливость как знак того, что разговор ещё можно направить. Здесь она ничего не обещала. У двери стояли двое понятых: женщина в пуховике поверх домашней кофты и молодой человек с мокрыми волосами. Женщина, видимо, жила этажом ниже. Кирилл встречал её в лифте и однажды придержал дверь, когда она несла кошачью переноску. Сейчас она смотрела ему в плечо, избегая лица. От этого стало стыднее, чем от присутствия оперативников.

— Мне нужно позвонить адвокату.

— Номер знаете?

Он назвал знакомую фамилию, полез за телефоном и увидел, что телефон уже взяли со стола. Сотрудник спросил пароль. Кирилл отказался обсуждать это без защитника, сам удивившись, насколько спокойно прозвучал голос. Тело между тем вело себя отдельно: пальцы стали холодными, рот пересох. Он попросил воды. Ему разрешили, но на кухню пошли вместе с ним. Чашка кофе стояла нетронутой. Человек в тёмной куртке переставил её на подоконник, чтобы освободить место для ноутбука. Кирилл почувствовал нелепое раздражение: от чашки останется круг. Это была мысль из той жизни, в которой у него ещё имелось право заниматься кругами на мебели. Обыск шёл в размеренном порядке: сотрудники последовательно открывали шкафы, фотографировали содержимое и задавали вопросы. Именно от этой деловитости Кириллу становилось всё страшнее. Если бы разбили вазу, накричали, выбили дверь, можно было бы сосредоточиться на чужой грубости. Здесь никто не предоставлял такой возможности. Мир рушился с аккуратным шелестом пакетов.

— Это ваше?

Ему показывали документы, накопители, старый телефон. Кирилл отвечал. При виде одной папки попытался объяснить, что сделка не состоялась и бумаги не относятся к делу. Следователь выслушал и всё равно положил папку отдельно. В какой-то момент мужчина у книжной полки взял фотографию Виктории. Кирилл резко сказал, что это личное. Тот посмотрел на обратную сторону рамки, поставил её обратно и ничего не спросил. На лице Викто-

рии осталась летняя улыбка. Кирилл подумал, как хорошо, что Виктория его сейчас не видит. Потом вспомнил о назначенных на утро встречах и попросил телефон, чтобы предупредить об их переносе. Сам услышал, как глупо это звучит. Ему сообщили, что сейчас не время решать рабочие вопросы. Он не стал объяснять, почему одна сорванная встреча может стоить больше всей мебели в квартире.

Около девяти предложили одеться. Кирилл выбрал рубашку, потянулся к ремню, потом остановился: не знал, что можно взять. Спросил. Ему ответили. Из этой череды коротких разрешений складывался новый порядок жизни. Человеку, который ещё ночью распоряжался временем других людей, теперь объясняли, какую обувь надеть. Перед выходом он посмотрел на стол. Шарф остался на стуле. Хотел переложить его в шкаф, чтобы не пылился, но сопровождавший уже открыл дверь. Кирилл вышел, не выключив свет на кухне. Кто-то выключил за него.

* * *

Виктория проснулась в восемь с небольшим. Сразу вспомнила про курьера с образцами: он обещал приехать в мастерскую раньше обычного. Она выпила кофе стоя, нашла в шкафу другой шарф, слишком толстый, и потянулась за телефоном. Вчера он обещал привезти ей серый шарф. «Доброе утро. Не потеряй мой залог», — написала Виктория, поёживаясь от холода в мастерской. Столяр Сергей Николаевич сердился на поставщика, помощница не могла найти папку с распечатанными чертежами. Виктория включилась в работу. К полудню она уже трижды объяснила заказчице, что цвет на экране и цвет при дневном свете могут отличаться, и была готова сама сменить профессию, лишь бы больше этого не повторять.

Между встречами Виктория набрала Кирилла. «Аппарат абонента выключен», — отозвался чужой ровный голос. Через несколько минут она попробовала ещё раз. Наверное, разрядился телефон. С Кириллом так бывало.

В два часа Нина предложила вечером поужинать. Виктория написала, что они уже договорились с Кириллом, и получила в ответ сердечко. До пяти она спокойно работала. Потом поймала себя на том, что уже в третий раз правит один и тот же размер на чертеже. Он сам предложил заехать за ней. Было досадно, что, когда он наконец позвонит, объясняться, почему она рассердилась, придётся как всегда ей.

«Ты освободился?» Сообщение осталось без ответа. Она подумала, что поедет к нему. Затем представила, как стоит у двери с сумкой и сердитым лицом, а он открывает и удивляется, зачем приехала без звонка. Он, наверное, улыбнулся бы той улыбкой, от которой она сразу начинала казаться себе человеком, придающим происходящему слишком много значения. Виктория вызвала машину домой. Водителю она по рассеянности назвала адрес Кирилла. Спохватилась, продиктовала свой и убрала телефон. В зеркале над приборной панелью её лицо выглядело старше обычного. Дома сняла пальто, вымыла руки, открыла холодильник и закрыла. После очередного безуспешного звонка она написала: «Мне уже не смешно», — и задержала взгляд на отправленном. Когда именно ожидание ещё казалось ей шуткой, вспомнить было трудно.

* * *

Кирилл узнал о наступлении вечера по цвету окна в кабинете. За матовым стеклом серый прямоугольник стал чёрным. Часы на стене отставали от его наручных на восемь минут, и он несколько раз машинально сравнивал их, будто это несоответствие требовало исправления раньше всего остального. Адвокат приехал не тот, на которого он рассчитывал. Знакомый оказался в другом городе и направил коллегу. Дмитрий Игоревич был невысоким мужчиной с раздражёнными от холода веками. Положил портфель, внимательно выслушал фамилии и попросил изложить события без выводов. Кирилл начал с того, что произошла ошибка.

— Это вывод, — сказал адвокат. — Давайте сначала действия.

Он говорил ровным, деловым голосом, внимательно выслушивая ответы. Кириллу вдруг захотелось показаться ему разумным человеком. Хотелось, чтобы хоть один человек в здании увидел: перед ним не тот, кем его, по-видимому, считают. Речь шла о прошлогодней цепочке расчётов, о фирме, где он не имел должности, о документах, которые передавал между людьми, доверявшими его знакомствам. Кирилл объяснял, что не распоряжался конечными средствами. Следователь задавал вопросы о встречах, совпадениях дат, процентах. Адвокат иногда останавливал его, иногда просил дать возможность закончить.

Через два часа стало ясно, что никого не убедит одна логичная версия. Здесь версии существовали отдельно от тех, кто в них верил. В перерыве Дмитрий Игоревич спросил, кому сообщить о происходящем.

— Матери, — ответил Кирилл, затем сразу поправился: — Не сейчас. Она не поймёт.

— Она в любом случае узнает, если вопрос затянется.

— Давайте сестре матери. Тёте. У неё есть номер в старой переписке…

Номера под рукой не было. Оказалось, что он помнит чужие условия расчётов точнее, чем телефон родственницы. Адвокат дал ему время собраться с мыслями. Кирилл продиктовал другой контакт, человека, который мог передать известие семье. Потом замолчал.

— Супруга есть?

— Нет.

— Девушка?

Он отвёл взгляд.

— Есть.

— Ей сообщить?

Кирилл на мгновение обрадовался: неприятные слова за него произнесёт Дмитрий Игоревич. Затем представил Викторию на этом самом стуле. Она спросит, за что его задержали, услышит имена людей, которых он ей даже не называл. Позже расскажет Нине. Может быть, ещё кому-нибудь. Когда он наконец выйдет, у всех уже будет своя история о том, что с ним стряслось.

— Пока не нужно, — сказал Кирилл.

Адвокат посмотрел на него поверх очков.

— Вы уверены?

— Через пару дней разберёмся. Я сам объясню.

Дмитрий Игоревич ничего не прокомментировал. Сделал пометку в блокноте. Кирилл заметил движение ручки и почему-то почувствовал облегчение: решение стало служебной записью, а значит, перестало выглядеть личной трусостью. Перед завершением разговора он спросил о ноутбуке и доступах. Адвокат пообещал выяснить, что изъято и что возможно вернуть, но предупредил, что сейчас есть более срочные вопросы. Кирилл согласился. О биткоинах он упомянул вскользь. Сначала разобраться бы, за что его самого задержали. Он всё ещё думал, что может дозировать правду в собственных интересах, даже когда перестал распоряжаться собственным днём. Первую ночь почти не спал. Мужчина рядом храпел, потом замолкал так надолго, что Кирилл начинал ждать следующего вдоха. В коридоре проходили люди. Вода капала с интервалом, который нельзя было предугадать. Он пробовал считать, переставал, снова начинал. В оставшемся за стенами телефоне хранилась значительная часть его памяти. Переписка позволяла восстановить даты, разговоры и обещания; теперь он пытался вспомнить всё сам и постоянно сомневался в деталях.

В половине ночи вспомнил, что утром должен был забрать Викторию. Представил её возле мастерской с тяжёлой сумкой образцов. Потом вспомнил, что никаких точных часов не называл, и успокоил себя этой технической подробностью. Он ещё не понимал, насколько далеко способен уйти человек, если каждое маленькое оправдание считать достаточным.

* * *

На следующий день Виктория всё-таки приехала к его дому. У подъезда стоял курьер, пытавшийся дозвониться получателю, и она вошла вместе с ним. На этаже никого не было. Перед дверью Кирилла лежал рекламный листок. Она нажала звонок. Подождала. Приложила ладонь к двери, как будто могла почувствовать движение воздуха внутри. Ничего. Ключей у неё не было. Он когда-то предложил сделать комплект, но потом разговор забыли. Виктория вдруг вспомнила это очень отчётливо. Тогда ей казалось, что ключи означают слишком много, и она сама перевела всё в шутку. Теперь их отсутствие сделалось чем-то почти обвинительным. На лестнице появилась соседка с пакетом мусора. Виктория спросила, не видела ли она хозяина квартиры.

— Я тут только вечером бываю, — ответила женщина. — Он, кажется, часто уезжает.

— Часто?

— Ну, мужчина один. Кто его знает.

Виктория поблагодарила. Женщина ушла, оставив её с бессмысленным «мужчина один». Собеседник говорил о квартире, но Виктория всё равно приняла эти слова на свой счёт. Она спустилась, села в машину, позвонила общему знакомому Олегу. Тот ответил шумно, из ресторана, и не сразу понял вопрос.

— Кирилл? Нет, давно не видел. Что случилось?

— Не могу связаться.

— Наверное, занят.

— Со вчерашнего утра?

Олег понизил голос, пообещал написать, как только что-нибудь узнает, и осторожно спросил об их отношениях. Виктория резко ответила, что они вместе, потом спохватилась и извинилась за тон. Разговор закончился, не дав никакой информации, кроме новой неприятности: теперь посторонний человек знал, что её мужчина перестал отвечать.

Дома она начала искать, куда звонят, когда не могут найти человека. На экране открывались номера, формы, советы, чужие истории. От некоторых делалось страшно. Она набрала один номер, потом другой, повторяла фамилию, дату последнего разговора, свой статус. На слове «девушка» каждый раз запиналась. Никто не сообщил ей, где он. Кто-то предложил обратиться лично, кто-то перечислил больницы, кто-то уточнил, сколько времени прошло. Она не прекратила искать из-за первого отказа. Позвонила ещё, записала адрес, договорилась с Ниной съездить вместе утром.

Вечером она наткнулась в старой переписке на его фразу «у меня бывают дела, о которых я не могу говорить» и впервые позволила себе другое объяснение. Возможно, Кирилл намеренно оборвал отношения и оставил объяснение ей самой. Он мог просто решить, что не хочет быть с ней. Она вспоминала, как легко он откладывал визиты к матери, и всё охотнее допускала, что так же поступил с ней.

Они ведь только недавно сошлись. Виктория надеялась, что после примирения они наконец перестанут возвращаться к старому спору. Он столько раз спрашивал о мужчине, с которым она тогда жила, что она знала наизусть и вопросы, и собственные ответы. После первой ночи с Кириллом она вернулась домой и сразу сказала, что уходит. Её мучило, что она тянула с этим разговором, но изменницей она себя не считала. Кирилл, казалось, понимал. Неделю спустя он мог вдруг спросить, помнит ли она, о чём они переписывались тем последним вечером. Приходилось начинать сначала. Сейчас она охотно ответила бы и на это, только бы он позвонил.

Нина приехала с едой. Поставила пакеты на стол, обняла Викторию, сказала, что сначала нужно поесть. Они сидели на кухне и перебирали варианты, пока ни один не остался убедительным. Виктория то защищала Кирилла, то обвиняла. Нина выслушала оба объяснения и дала Виктории выговориться. Это было единственное, за что Виктория потом оставалась ей благодарна.

* * *

Через два дня Кирилла привезли в суд. Он смотрел на город из автомобиля и видел людей с бумажными стаканами. Один мужчина бежал к переходу, опаздывая, и Кирилл позавидовал ему с такой силой, что стало больно. Опоздать на работу означало знать, куда ты возвращаешься вечером. Дмитрий Игоревич встретил его в коридоре. Коротко объяснил, что будет обсуждаться. Кирилл слушал, задавал вопросы, вновь возвращался к обстоятельствам старой сделки. Адвокат напомнил, что сейчас разговор не об окончательном разрешении дела.

— Я понимаю, — сказал Кирилл.

Он не понимал. Вернее, понимал слова, но не мог принять возможность, что можно убедительно объяснить непричастность и всё равно уехать не домой. Оказавшись в зале среди запаха бумаги и мокрой одежды, Кирилл несколько раз повернулся к двери, всё ещё надеясь на скорое окончание этой череды ожиданий. Он сам запретил звать Викторию и всё-таки ловил себя на том, что вслушивается в шаги за дверью: вдруг она? Пришла незнакомая женщина, села с папкой, вскоре вышла. Он опустил глаза. Когда прозвучали два месяца, Кирилл почему-то подумал о поездке в Испанию. Весна ещё оставалась впереди. Два месяца могли закончиться до тёплой погоды. Это была нелепая попытка поместить услышанное внутрь прежнего календаря. Адвокат говорил об обжаловании, о дальнейшей работе, о документах, которые нужно получить. Кирилл кивал и пытался посчитать, сколько раз за два месяца Виктория может набрать его номер. Перед тем как его увели, Дмитрий Игоревич ещё раз спросил про близких.

— Семье передали. Девушке сообщаем?

Кирилл посмотрел на часы. Пока часы продолжали отсчитывать минуты, он чувствовал, как стремительно отдаляется жизнь, в которой сам распоряжался своим временем.

— Пока нет.

Произнося это, он уже чувствовал, что прежний расчёт на скорое возвращение утратил силу. Теперь ему нужно было сохранить собственную первую версию: раз уж не рассказал сразу, следует дождаться момента, когда объяснение будет звучать лучше. Этот момент отодвигался, но он всё ещё верил, что может его выбрать. Перед заседанием пришлось ждать в небольшом помещении, где скамья стояла вдоль стены. На стене остались следы чужих плеч: светлая краска потемнела на уровне человеческой спины. Кирилл сел, встал, снова сел. Другой ожидавший, седой мужчина с аккуратно подстриженными усами, спросил время. Кирилл ответил.

— У вас сегодня что? — спросил мужчина.

— Мера.

Тот кивнул и больше не задавал вопросов. В обычной жизни Кирилл счёл бы такое молчание неловким и попытался заполнить его. Теперь благодарил незнакомца за то, что тот ни о чём его не спрашивал. Иногда разговаривать становилось трудно именно потому, что собеседник готов был внимательно слушать. Из-за двери донёсся смех. У кого-то здесь шёл обычный рабочий день. Кирилл поймал себя на желании, чтобы люди снаружи тоже на минуту замолчали. Ему казалось несправедливым, что его катастрофа не меняет их рабочий день. Потом стало стыдно за эту мысль. Они не обязаны переживать каждую чужую жизнь, иначе не смогли бы работать. Смех за дверью всё равно резал слух. Через некоторое время адвокату позволили коротко поговорить с ним ещё раз. Дмитрий Игоревич принёс бумагу с выписанными контактами родственников. Тётя ответила, мать пока знает, что возникли проблемы. Слово «пока» Кирилл услышал с облегчением, будто отсрочка знания могла уменьшить само событие.

Мать приехала к Дмитрию Игоревичу на следующий день. Она жила на другом конце Москвы и провела в дороге полтора часа, но явилась раньше назначенного времени, с папкой, в которую положила паспорт, старые Кирилловы справки и несколько бумаг, не имевших отношения к делу. Адвокат принял бумаги и спокойно выслушал, зачем она их принесла. Дал ей сесть, принёс воды, попросил рассказать только то, что она знает сама. Выяснилось, что знает

она почти ничего: утром сын собирался закончить встречу, вечером должен был завезти лекарство, затем позвонила сестра и попросила не пугаться. Слова «не пугайся» сделали именно то, что обычно делают: заполнили неизвестность самым страшным. Сначала мать искала больницу, потому что в его прошлой службе тишина означала прежде всего ранение. Узнав про задержание, она принялась заново перебирать знакомые обстоятельства, вспоминала его усталость, разговоры о деньгах и случайно названных людей. Ничего не находилось. Её мучило, что она давно привыкла считать любую его занятость частью характера и потому так мало знала о его делах.

Дмитрий Игоревич говорил о ближайших действиях, отделяя известное от того, что ещё предстояло проверить. Она записывала, временами останавливалась и спрашивала, что из этого обязательно сообщить сыну. О собственной тревоге не упоминала. Ей хотелось передать одежду, лекарства, книги, всё, что можно положить в пакет и хотя бы на короткое время считать помощью. Адвокат составил с ней список, потом попросил не менять назначенное лечение без врача. Мать кивнула, перечеркнула одно название и с таким вниманием написала другое, будто от этой поправки зависело больше, чем от всего остального. Уже у двери она спросила, знает ли Виктория. Дмитрий Игоревич ответил, что Кирилл не поручал с ней связываться. Женщина постояла молча. Номера Виктории у неё не было, общих знакомых тоже: сын сохранял каждое знакомство отдельно, и теперь эта привычка мешала даже сообщить простую новость. Она не стала просить разыскать девушку через чужие страницы. Решила, что сначала надо поговорить с самим Кириллом, и вышла с папкой, ставшей тяжелее всего на несколько листов.

Вечером у себя дома она нашла фотографию, где сын ещё в форме, и убрала под другую. Боялась смотреть на неё, потому что уверенное выражение его лица мешало представить человека, которому сейчас нужна помощь. Потом позвонила сестре, попросила купить обычные носки, без толстого шва, и долго объясняла, какие именно: хоть в этом ей хотелось не ошибиться.

— Она спросит, почему вы не звоните, — сказал адвокат.

— Скажите, что возможности нет.

— Я не буду придумывать объяснения. Я передам факты в пределах ваших указаний.

Кирилл посмотрел на него с раздражением, затем кивнул. Ему всё чаще хотелось услышать от людей объяснение, которое вернуло бы происходящему понятный смысл. Адвокат был слишком опытен, чтобы незаметно согласиться на эту роль.

— Кто оплачивает работу? — спросил Кирилл.

— С этим разберёмся.

— У меня есть средства.

— Я не сомневаюсь.

Он вдруг почувствовал потребность доказать, что не беспомощен полностью. Стал рассказывать о доступных деньгах, о незаконченных проектах, о человеке, которому нужно сообщить, что встреча сорвалась. Дмитрий Игоревич остановил его, уточнил фамилию Дениса и записал её отдельно. Кирилл тут же попросил не обсуждать подробности сделки. Адвокат поднял голову.

— Кирилл, вы хотите, чтобы я помог вам, не зная, в чём ещё может возникнуть проблема?

— Это не связано.

— Тогда тем более нет необходимости делать из этого тайну.

Кирилл понимал доводы адвоката и всё-таки заупрямился. Ему казалось, что достаточно оставить хотя бы одну область под собственным контролем, и вся жизнь не распадётся окончательно. Он попросил передать только, что на встречу не придёт. Дмитрий Игоревич подумал и согласился сообщить, что связь откладывается; о коммерческих вопросах он предложил договариваться самим участникам. Так Денис получил известие о сорвавшейся встрече и остался ждать подробностей, которые можно будет передать Глебу. В этот же день он отпра-

вил несколько сообщений на отключённый телефон. Первые были деловыми. Последние — совсем другими. Кирилл прочитает их намного позже, когда каждое «немедленно перезвони» уже будет принадлежать законченной жизни. Седой мужчина на скамье дождался, пока адвокат уйдёт, и неожиданно сказал:

— Не пытайтесь отсюда всё продолжать.

— Что?

— Работу? Можно подумать, вы всего лишь на совещании задержались.

Кирилл резко повернулся.

— Вы же не знаете, какая у меня ситуация.

— Не знаю. Извините.

Мужчина отвернулся. Кирилл понял, что обидел единственного человека рядом, который ничего от него не требовал. Хотел извиниться, но дверь открылась, и незнакомца увели. Разговор оборвался так же бесследно, как позже будут обрываться десятки коротких разговоров с людьми, чьих фамилий он никогда не узнает. После заседания, уже на обратной дороге, Кирилл всё-таки вспомнил этот совет. На перекрёстке рядом остановился автомобиль доставки. На боку было нарисовано улыбающееся лицо и написано, что всё привезут вовремя. Водитель ел что-то из бумажного пакета, придерживая его локтем. Кирилл смотрел, как тот складывает пакет, стряхивает крошки, поправляет зеркало. Цепочка простых движений казалась недоступной роскошью: человек мог закончить обед, мог свернуть, мог позвонить, мог решить не звонить.

Кирилл ещё не отделял отсутствие возможности от собственного отказа. Ему было легче считать, что всё отняли сразу: телефон, свободу, право объясниться. Позже эта версия поможет ему обвинять Викторию. Пока она только формировалась, собираясь из реальных ограничений и тех решений, которые он предпочитал не замечать за собой. Вечером выдали место и объяснили, где можно положить вещи. Он разулся и увидел на носке маленькую дырку.

Утром она не имела значения. Теперь почему-то захотелось спрятать ногу под кровать. Кирилл, который несколько дней назад обсуждал многомиллионный расчёт, сидел среди незнакомых людей и стыдился дешёвой прорехи в хлопке. Один из них молча подвинул ему кружку с чаем. Кирилл поблагодарил. Чай был слишком сладким. Он выпил, не сказав об этом ни слова.

Виктория в тот вечер отправила сообщение: «Неужели нельзя просто сказать, что происходит?» Её телефон показывал пустой экран после отправки. Его телефон лежал отдельно от него, и сообщение не стало событием его дня. Каждый из них остался в собственном ожидании, уверенный, что другой каким-то образом должен его понять.

Глава третья
Решение без свидетелей

На третье утро Кирилл понял, отчего к ночи так устаёт. Здесь весь день чего-нибудь ждали: горячей воды, прогулки, соседа, которого увели и давно не возвращали. Стоило за дверью раздаться шагам, и в камере разом стихал разговор.

Он нашёл лист бумаги, написал дату и поставил первую чёрточку. Через неделю смотреть на эти семь чёрточек стало невмоготу. Кирилл перевернул лист и записал, какие документы попросит у адвоката.

Самого старшего в камере звали Борисом Львовичем. Даже в ссоре никому не пришло бы в голову назвать его иначе. Дужку очков он подвязывал ниткой, чай делил с аптекарской точностью. У него была самодельная шахматная доска. Фигуры давно обтёрлись, и различали их теперь по зарубкам и сколам.

Поначалу Кирилл только наблюдал за игрой. Борис Львович проводил фигуру через доску, придерживая треснувшее основание двумя пальцами, и подолгу смотрел на позицию, когда другие уже начинали советовать очевидное. В одной партии он оставил ладью под ударом. Сосед потянулся за ней, но Кирилл заметил промежуточный ход и улыбнулся прежде, чем успел отвернуться. Старший поднял голову и с интересом посмотрел на Кирилла: тот сразу разобрался в замысле позиции.

— Вы бы не взяли? — спросил он после партии.

— Сначала проверил бы, чем закончится размен. Король там слишком тесно стоит.

Борис Львович подвинул доску. Кирилл сел напротив и только теперь почувствовал, как давно ему не хватало задачи, в которой можно отвечать за собственное решение. Он играл с детства, занимался серьёзно, выступал на турнирах и сохранял силу мастерского уровня, хотя в последние годы живые соревнования почти вытеснили короткие партии в телефоне. Считать варианты ему не требовалось учиться заново. Труднее оказалось заставить внимание оставаться на доске: за стеной хлопала дверь, кого-то звали, и имя могло относиться к нему. Первую партию Кирилл выиграл в окончании, куда сознательно перевёл игру после долгой борьбы за слабую пешку. Борис Львович проверил последний вариант, остановил фигуры и спросил, где тот занимался. Вместо ответа Кирилл назвал московский клуб, тренера, несколько турниров. Старший знал одну из фамилий и впервые за всё знакомство оживился так, будто им удалось встретиться за пределами комнаты.

Во второй Кирилл полез вперёд слишком рано, недооценил спокойную защиту и проиграл. Его задело, что он так рано поторопился и дал сильному сопернику время укрепить позицию. Он сам показал после партии место, где поторопился, и Борис Львович предложил другой порядок ходов. Они спорили, возвращали фигуры, несколько раз начинали вариант сначала. Артём, до этого считавший шахматы тихим занятием, удивлённо следил за тем, как два человека почти сердятся из-за клетки, на которой ничего не стоит. Третью закончили вничью. Кирилл видел возможность ещё помучить противника, но продолжение обещало долгую игру без достаточного основания. Старший заметил колебание и усмехнулся: оба понимали, что дело уже не в позиции. Они сложили фигуры, оставив на столе только королей, а затем продолжили разговор о старом турнире, словно могли задержаться в нём до следующего отбоя.

Позже они играли почти каждый день. Кирилл чаще брал верх в сложных позициях, Борис Львович лучше пользовался его усталостью, и счёт менялся без прежнего Кириллова желания непременно доказать, кто здесь сильнее. Иногда они разбирали одну партию целый вечер. За самодельной доской оба снова чувствовали, как привычно и точно работает память, и на время целиком погружались в игру. По вечерам они разговаривали. Борис Львович не

спрашивал подробностей дела, и Кирилл сначала воспринимал это как уважение, потом как подозрительное равнодушие. Ему хотелось рассказать собственную версию кому-то, кто не составлял протокол. Однажды он всё-таки начал. Старший выслушал, не задав ни одного уточняющего вопроса.

— Вы мне не верите? — спросил Кирилл.

— Я не суд.

— Это не ответ.

— Это как раз ответ. Мне не обязательно решить, виноваты вы или нет, чтобы дать вам чай.

Кирилл замолчал. Позже он будет вспоминать эту фразу, когда почти все отношения начнёт оценивать по тому, что знает о нём другая сторона. Тогда ему впервые предложили человеческое отношение без предварительного выяснения заслуг.

* * *

Дмитрий Игоревич приносил бумаги, объяснения и новости, которые не складывались в освобождение. Всякий раз Кирилл заранее представлял встречу как поворотную. Адвокат войдёт, сразу улыбнётся, скажет: разобрались. На деле тот доставал блокнот, спрашивал о здоровье и начинал с неудобного факта. Мать знала. Эта новость оказалась тяжелее, чем Кирилл ожидал. Он попросил не передавать ей подробности и почти сразу понял бессмысленность просьбы. Мать уже представляла себе худшее. Он написал письмо, испортил два листа, на третьем сумел закончить. В письме было много заверений и ни одного признания в страхе. Адвокат прочитал его с разрешения Кирилла и спросил, не хочет ли тот добавить, что ему нужна поддержка.

— Зачем её пугать?

— Иногда близким легче, когда они понимают, чем могут помочь.

— Она всё равно ничего не сделает.

Дмитрий Игоревич посмотрел на него долго и молча. Кирилл почувствовал, что сказал что-то некрасивое, но исправлять не стал. Его раздражало само существование нужды, которую нельзя было устранить поручением. По старой сделке поступали новые материалы. В одном документе человек, с которым Кирилл почти не общался напрямую, называл его организатором. В другом знакомый осторожно писал, что предполагал большую осведомлённость Кирилла, чем тот признаёт. Слово «предполагал» оказалось опаснее утверждения: у предположения не было формы, за которую можно было ухватиться. Кирилл составил подробную хронологию. Писал так мелко, что потом сам едва разбирал. Восстановил встречи, названия кафе, содержание звонков. Одну дату помнил точно: в тот вечер он набрал Викторию так поздно, что она обиделась. В журнале вызовов должно было сохраниться время. Личная жизнь стала архивом деловых доказательств. Всё, что он прежде считал помехой работе, теперь помогало удержать последовательность событий.

— В тот вечер мы разговаривали по видеосвязи.

Она видела, что я дома, — сказал он адвокату.

— Тогда нужно с ней связаться.

Кирилл замолчал. Простое решение снова упиралось в нежелание показать себя в нынешнем положении.

— Пока найдём другое подтверждение.

— Вы уверены, что это разумно?

— Да.

Адвокат отложил спор до следующего разговора. Кирилл сердился. Ему казалось, что его вынуждают заплатить отношениями за юридическую помощь. На самом деле цену назначал он сам. Денис передал через адвоката требование объяснить, что происходит с деньгами. Кирилл сообщил, что активы не тронуты и после восстановления доступа он готов обсуждать расчёт. Это была правда. Тогда он не собирался оставлять себе ни одного биткоина. Даже

мысль об этом представлялась отдельной, ненужной опасностью. Он хотел вернуть всё, получить расписку, закончить историю и больше никогда не иметь дела с людьми, для которых слово «срочно» заменяет правила. Из холодного ответа следовало, что ждать неопределённое время они больше не намерены: Глеб требует связи, а Денис собирается сам выяснять обстоятельства. Кирилл прочитал переданное сообщение, сложил лист и положил под остальные. Чужая настойчивость уже не управляла его днём. Это открытие было неприятным, но освобождающим: можно не ответить даже тому, кому должен очень много, если у тебя отнята возможность отвечать. Потом он начал пользоваться тем же объяснением там, где возможность всё-таки оставалась.

* * *

Виктория однажды приехала в мастерскую без образцов и обнаружила это только у двери. Полтора часа ехала через город, держа пустую сумку. Сергей Николаевич не стал смеяться, просто отодвинул стул и налил чай в кружку со сколотой ручкой.

— Вы хоть спите?

— Да.

— Значит, плохо.

Он не спрашивал, что произошло. Виктория почти расплакалась от этой деликатности. Последние недели все разговоры заканчивались вопросом, есть ли новости. Новостей не было. Иногда ей казалось, что она обязана придумать их, чтобы людям не приходилось вновь переживать неловкость. Олег прислал короткое сообщение: давно не общался, тоже не может дозвониться. Нина предложила обратиться ещё в одно место. Виктория сходила, заполнила то, что ей дали, рассказала всё с самого начала. Вернулась домой без ответа. Виктория болезненно почувствовала, сколько важных сведений о Кирилле остаётся доступным только ему самому. В какой-то момент она перестала спрашивать, жив ли Кирилл, и начала спрашивать, почему он не хочет дать ей знать. Этот переход не произошёл за один вечер. Он состоял из усталости, чужих осторожных предположений, воспоминаний о прежних исчезновениях на день-два, из его любви к недосказанности. Виктория ничего не могла доказать. Она только устала каждый вечер просиживать у телефона.

Виктория убрала зубную щётку Кирилла в нижний ящик. Рядом положила книгу, которую забрала у него в последний вечер, потом, рассердившись на себя, вернула её на полку: книга принадлежала ей, и она собиралась дочитать её. Даже разбирая привычные вещи, Виктория возвращалась мыслями к исчезновению Кирилла.

Однажды вечером она открыла переписку и написала: «Я всё поняла». Ей хотелось прекратить это бесконечное ожидание и самой поставить точку. Несколько минут она смотрела на экран, собираясь с силами, затем отправила сообщение. Оно так и осталось непрочитанным. На следующей неделе Нина позвала её поужинать с друзьями, и Виктория согласилась. Она выбрала большой удобный свитер, которым Кирилл всегда её дразнил, и поехала в ресторан. За общим столом разговор постепенно увлёк её. Телефон лежал в сумке, и временами Виктория спохватывалась, словно пропустила что-то важное, доставала его и снова видела прежнюю переписку. К концу вечера она стала проверять экран реже.

* * *

На прогулке Кирилл сначала пытался считать шаги. Пространство допускало несколько разворотов, после которых направление теряло смысл. Другие ходили привычно, разговаривали, останавливались у стены. Он же всё ещё воспринимал выход как тренировку, которую можно выполнить хорошо или плохо. «Держать себя в форме», — повторял он, стараясь жить по часам. В результате вечером болело колено, а ощущение неподвижности никуда не исчезало. Однажды Борис Львович спросил, куда он так спешит. Кирилл ответил, что хочет сохранить режим. Старший пожал плечами:

— Тогда хотя бы не превращайте каждый метр в доказательство собственной невиновности.

Кирилл остановился. Ему не нравилось, что этот человек слишком многое замечает. Через минуту Кирилл и сам рассмеялся. Именно так он и ходил — как будто энергичная походка могла сообщить невидимому наблюдателю, что здесь оказался деятельный, приличный человек, которого надо скорее отпустить. В комнате был ещё молодой парень, Артём, почти постоянно державший в руках книгу, которую, по наблюдению Кирилла, не читал.

Однажды из книги выпал сложенный лист. Артём поднял его слишком быстро. Кирилл отвёл взгляд, но успел увидеть детский рисунок. После этого перестал раздражаться, когда парень часами лежал лицом к стене. Оказалось, что неизвестное о человеке способно изменить отношение сильнее рассказанного. По вечерам Артём просил объяснять ему слова из юридических бумаг. Борис Львович не соглашался изображать адвоката, зато помогал отделить формулировку от того ужаса, который парень вкладывал в неё сам. Кирилл иногда присоединялся. Он читал вслух и помогал разбирать сложные предложения, пока смысл каждого из них становился понятен Артёму. Это было первое полезное дело, которое не имело отношения к его собственной защите. Однажды Артём спросил, есть ли у него дети.

— Нет.

— Тогда легче.

Кирилл хотел возразить: легче здесь никому не было, но парень уже снова смотрел на рисунок, и спорить оказалось невозможно. Он подумал, что до сих пор все его планы на ребёнка состояли из общих слов. Он привык откладывать семью до встречи с подходящим человеком и того времени, когда почувствует себя увереннее. Так проходили годы, а удобный момент оставался где-то впереди. Виктория однажды показывала ему фотографию племянницы и спрашивала, нравится ли имя. Он ответил шуткой. Вспомнив это, Кирилл почувствовал злость на собственную память: она выбирала именно те эпизоды, в которых он оказывался не самым достойным участником. Про красивые подарки и удачные поездки память молчала, будто всё это больше не имело доказательной силы. В конце января пришло письмо матери. Она писала на двух листах, крупно, оставляя поля. Сообщала о погоде, о соседях, о том, что лекарство нашлось и беспокоиться не нужно. Ни одного упрёка. Кирилл сразу понял, сколько усилий потребовалось, чтобы его не написать. На втором листе было: «Ты только не молчи, когда можешь сказать». Он прочитал эту строку несколько раз, затем сложил письмо так, чтобы она оказалась внутри.

Ответил в тот же вечер. Рассказал, что ест, что не болен, что адвокат работает. Написал даже про шахматы. Про страх не написал. Мать получила аккуратную версию сына, пригодную для выдерживания. Он считал это заботой и не замечал, что такая забота почти неотличима от контроля над тем, что другим разрешено чувствовать. Дмитрий Игоревич однажды принёс известие, которое не относилось напрямую к делу. Оказалось, один из деловых знакомых утверждал, будто Кирилл куда-то уехал и временно недоступен. Это объяснение уже ходило между людьми само по себе. Адвокат спросил, нужно ли его опровергать.

— Пока нет, — ответил Кирилл.

Он почувствовал облегчение, слишком большое для такой мелочи. В мире снаружи ещё сохранялся человек, который мог уехать по своим делам. Этот воображаемый Кирилл продолжал свободно распоряжаться своими делами, и мысль о нём позволяла на несколько минут выйти из нынешнего положения. Просто недоступный. Кирилл начал держаться за этого отсутствующего двойника, хотя пока не придумал ни одного другого имени. Когда в феврале разговор впервые перешёл к прежней службе, Кирилл понял, что от него хотят услышать не воспоминание о военной кафедре. Собеседник уже знал о контракте, Сирии, службе в спецподразделении и звании капитана, с которым он ушёл в запас. Бумаги лежали на столе в таком

порядке, словно годы, старательно отделённые от гражданской работы, можно было снова собрать в несколько последовательных листов.

Кирилл спокойно изложил свой опыт и обозначил задачи, с которыми умел справляться. Рассказал, за что отвечал, с какими задачами сталкивался, сколько времени прошло. Он придерживался тех подробностей, которые помогали ответить на заданные вопросы. Он помнил разницу между умением выполнить знакомую работу и готовностью согласиться на неизвестную, а потому уточнил, зачем обсуждается его биография и какой ответ от него требуется теперь. Собеседник слушал без удивления, делал короткие пометки. Потом спросил, способен ли он выполнять распоряжения, когда известна лишь необходимая часть обстоятельств. Кирилл ответил, что прежде выполнял, но это не избавляет от вопросов перед новым обязательством. По тому, как мужчина закрыл папку, стало ясно: прямой ответ здесь учитывают, однако торговаться об объёме неизвестного пока не собираются.

После беседы из памяти настойчиво возвращался запах нагретой пыли, и Кирилл несколько раз оглядел комнату, прежде чем понял, откуда взялось это ощущение. В Сирии он чувствовал его на одежде после дороги, смывал с рук и всё равно находил в складках у запястья. Воспоминание пришло телесно, раньше слов, и Кирилл рассердился: прежняя служба не исчезла оттого, что он несколько лет не произносил названий. Ему предлагали вернуться в знакомую систему обязанностей, но на условиях, которых он ещё не видел целиком. Медицинский осмотр не имел торжественного вида. Кирилл ждал в коридоре, отвечал на вопросы, слышал, как за дверью перелистывают бумаги. Никто не обсуждал с ним подвиги. Говорили о перенесённых болезнях, травмах, нагрузках. Он отвечал честно, но поймал себя на том, что некоторые жалобы хочет сделать меньше. Он боялся упустить появившуюся возможность выйти отсюда и потому охотно выполнял всё, что от него требовали.

Позже он будет вспоминать это с недоверием. Человек, который считался осторожным, сам подталкивал дверь, не зная, что за ней. В тот момент ему казалось особенно важным начать двигаться и действовать, вырваться из бесконечного ожидания. Перед окончательным разговором Кирилл перечитал материнское письмо. Уложил листы в папку, расправил сгиб. Он мог поручить адвокату написать Виктории хотя бы одну строку. Хотелось написать ей несколько простых слов о том, что он жив и помнит о ней. В этой возможности не было ничего героического, и потому она казалась недостаточной. Ему хотелось вернуться так, чтобы восстановить всё одним появлением. Прийти, обнять, сказать, что было трудно, и получить прощение раньше вопросов.

Слова для Виктории Кириллу предстояло выбрать самому. Кирилл перекладывал бумаги до тех пор, пока коридорный голос не позвал его снова. Тогда закрыл папку и встал. Решение о неизвестном будущем оказалось проще одного честного сообщения. В середине февраля Кирилла вызвали в помещение, где прежде он не бывал. Его ждали незнакомые люди, и разговор сразу принял другой характер. Двое мужчин сидели за столом; третий стоял возле окна. Гражданская одежда не делала их гражданскими в привычном смысле. Кирилл понял это по тому, как они уступили друг другу право начать разговор: коротким взглядом, без слов. Ему назвали фамилию, затем снова вернулись к службе. Спрашивали о Сирии, о работе в спецподразделении, о прежних обязанностях капитана и о том, что из этого опыта он считает применимым сейчас. Кирилл отвечал сдержанно, различая вопросы для проверки биографии и те, которыми собеседники пытались понять его нынешнее состояние. Гражданская одежда не мешала узнавать служебную манеру: короткое уточнение, пауза, возврат к уже сказанному с другой стороны. Он знал этот порядок и всё равно не мог определить, какую часть предложения ему уже разрешили услышать.

— Практический опыт организации есть? — спросил мужчина у окна.

— Смотря чего.

— Людей. Транспорта. Работы в условиях неопределённости.

Кирилл посмотрел на дверь.

— Последнее время у меня только неопределённость.

Никто не улыбнулся. Ему объяснили, что обсуждают участие в специальной программе. Прозвучала буква «К», как обозначение папки, содержание которой известно всем, кроме того, чья жизнь в ней лежит. Кирилл потребовал уточнений. Их дали — ровно столько, чтобы возникла возможность согласиться, и недостаточно, чтобы представить последствия. Речь шла о подготовке, работе вне обычной обстановки, обязательствах, которые нельзя будет прекратить простым заявлением о нежелании. Его нынешнее дело, как сказали собеседники, может получить иное процессуальное развитие. Кирилл ухватился за это выражение.

— Может или получит?

Мужчина за столом сложил руки.

— Мы не будем здесь обсуждать обещания в отрыве от вашего решения.

— Мне-то как решать, если я не знаю, чего стоят эти обещания?

Впервые за разговор возникла пауза, похожая на переговорную. Кирилл почувствовал себя увереннее и тут же понял, насколько отчаянно цепляется за знакомый навык. Ему позволили прочитать документ. В нём было много слов о согласии и мало о том, на что именно оно распространяется. Он пытался выяснить сроки, место будущей работы и то, как сможет поддерживать связь с родными. На часть вопросов отвечали прямо, на часть — ссылкой на последующее ознакомление. Наконец он спросил:

— Там может быть война?

Мужчина у окна посмотрел на коллегу, потом на Кирилла.

— Мы не предлагаем вам туристическую поездку.

После ответа Кирилл остался с теми же вопросами, которые привели его к разговору. В нём было удобное пространство для будущего: если случится худшее, можно будет сказать, что предупреждали. Понимая, сколько вопросов оставлено открытыми, Кирилл всё-таки дочитал документ, затем попросил пригласить адвоката. Беседу пришлось прервать. Позже Дмитрий Игоревич пришёл с лицом человека, которому приходится разбирать событие, не помещающееся в обычную рабочую схему. Адвокат подробно разобрал последствия каждого решения и обозначил, какие обстоятельства пока остаются неизвестными. Объяснил только, что добровольная подпись не превращает неизвестность в гарантию.

— Я здесь тоже ничего не знаю, — ответил Кирилл.

— Это не делает другое неизвестное безопаснее.

— Там хотя бы дверь открыта.

Адвокат помолчал.

— Вам кажется, что открыта. Может оказаться, что просто ведёт в другую комнату.

Кирилл отвёл взгляд. Фраза разозлила его сильнее предупреждений: адвокат слишком точно назвал обстоятельство, от которого Кирилл уже решил отвернуться. Вечером он сел к доске, но не сумел сосредоточиться: возвращался мыслями к разговору, задерживал руку над фигурой, снова начинал считать уже разобранный вариант. Борис Львович заметил, что Кирилл сейчас занят другой задачей, и отодвинул доску.

— Что-то случилось?

Кирилл рассказал не всё. Сказал, что есть возможность выйти, но нужно согласиться на работу. Борис Львович не спросил, какую. Долго чистил очки краем футболки, затем произнёс:

— Я не буду говорить, что на вашем месте сделал бы. Я на своём еле разбираюсь.

— Что бы вы мне сказали?

— Позвоните той женщине, которой всё не решаетесь.

Кирилл поднял голову.

— Я вам про неё не рассказывал.

— Вы каждый вечер смотрите на дверь так, будто она должна прийти и всё понять без объяснений.

Он хотел возразить, но не нашёл слов. Борис Львович снова поставил доску между ними.

— Ещё партию?

— Давайте.

На этот раз Кирилл выиграл. Победа не принесла ничего. Ночью он представлял, как впервые за несколько недель заговорит с Викторией и каким она услышит его голос. Он мысленно произнёс: «Привет, Вика. Я сейчас не могу объяснить», — и сразу представил, сколько тревоги добавит такой звонок. Разговор снова отодвинулся до освобождения, когда, как ему казалось, всё можно будет рассказать спокойно. Сначала стать тем человеком, которому не стыдно открывать дверь.

* * *

Согласие он дал утром. Он подошёл к решению с тем спокойствием, какое сумел сохранить к утру. Выспался, насколько возможно, умылся, перечитал то, что ему предоставили, и поставил подпись. Самым страшным оказалось отсутствие музыки, громких слов, какого-нибудь внешнего знака судьбы. Ручка плохо писала на первом движении. Он провёл ею по краю листа, потом подписал. Всё. Последующие дни ускорились. Вызовы, уточнения, короткие объяснения, ожидание в другом помещении. Кирилл пытался уловить последовательность, но видел только собственный отрезок. Дмитрий Игоревич сообщил о документах по его делу, подчеркнул, что сохранит копии и останется на связи через согласованный канал. Кирилл благодарил слишком быстро. Уже думал о выходе, об одежде, о воздухе. Семнадцатого февраля ему сказали собираться. Вещей оказалось мало. Он долго искал лист с календарными чертами, потом вспомнил, что оборот занят хронологией. Положил в папку. Бумага, которую хотел выбросить, стала единственным дневником этого времени. Борис Львович протянул руку.

— Берегите себя.

— Вы тоже.

— Запомните одну вещь: вы не обязаны знать то, чего пока никто не знает.

Кирилл не сразу понял.

— Вы про что?

— Да так. Про шахматы.

Они оба знали, что не про шахматы. Кирилл всё равно принял предложенную возможность не продолжать. Во дворе пахло мокрым камнем и выхлопом. Он вдохнул так глубоко, что закружилась голова. Небо без решётки оказалось таким же серым, как за решёткой, и это неожиданно обидело: хотелось, чтобы освобождение изменило хотя бы погоду. У машины ждали. Ему показали, куда сесть, забрали пакет, уточнили фамилию. В кармане не было телефона. Собственный оставался среди изъятого, вопрос о возвращении обещали решить позже. Кирилл вдруг ясно понял: однажды, когда аппарат снова окажется у него в руке, молчание перестанет быть вынужденным. Это знание было неприятным, и он сразу нашёл, чем его закрыть. Сейчас не время. Сейчас нужно понять, куда едут.

Машина тронулась. Ворота остались за спиной. Кирилл смотрел на город, стараясь не моргать, будто имел право только на один короткий взгляд. В какой-то квартире Виктория могла сейчас собираться на работу. Он почти почувствовал её раздражение, услышал, как она закрывает дверцу шкафа, не найдя нужную вещь. Он не попросил остановиться. Даже короткую весть Виктории он решил отложить до приезда. Свобода уже требовала двигаться туда, куда везли, и Кирилл решил пока не спорить с её направлением.

Глава четвёртая
Дорога через Гомель

Сергей сначала не понравился Кириллу. Он занял место у окна, снял куртку, положил её так, что рукав свисал на соседнее сиденье, и сразу уснул. Остальные ещё рассаживались, укладывали вещи, а он уже спал. Кириллу, который на новом месте всегда первым делом представлялся, в этом почудилось высокомерие. Через час рукав всё ещё мешал ему, и он отодвинул его. Сергей открыл один глаз.

— Мешает?

— Немного.

— Так скажи.

Сергей забрал куртку и снова уснул, оставив Кирилла с неприятным сознанием, что тот успел придумать лишнее. На других сиденьях устраивались ещё двое попутчиков. Один был моложе, с длинными пальцами музыканта, другой постоянно проверял застёжку сумки. Они обменялись именами, которые Кирилл почти сразу перепутал. Внешне все выглядели людьми, отправившимися в неудачную командировку: одинаковая усталость, небольшие вещи, нежелание первым признаться в незнании маршрута. На остановке Сергей купил кофе и вернулся с двумя стаканами.

— Держи, москвич.

— Спасибо.

Кирилл принял стакан и погрел о него ладони.

— В Москве сейчас такая же погода? — спросил Сергей.

— Когда выезжал, снег шёл. До весны ещё далеко.

Они ещё немного поговорили о погоде. Кирилл допил кофе, выбросил стакан и вслед за Сергеем вернулся в машину.

Сергей улыбнулся, и раздражение исчезло. Его тяжёлое, спокойное лицо сохраняло выражение усталости, с которым Кирилл потом привыкнет встречаться каждое утро. О прежней службе говорил скупо. Несколько раз употребил слова, которые Кирилл знал, но никогда не связывал с собой.

— Ты понимаешь, куда едешь? — спросил Сергей, когда они остались возле машины вдвоём.

— На подготовку.

— Это я тоже слышал.

— Больше ничего не сказали.

Сергей кивнул без удивления. Кирилл ждал совета, шутки, хотя бы уверенного предположения. Тот допил кофе, смял стакан и пошёл к мусорной корзине. Это отсутствие обещаний позднее станет главной причиной, по которой Кирилл начнёт ему доверять. Дорога растянулась. Нас встречают, там объяснят, недолго — короткие фразы сопровождения не сообщали ничего, кроме требования терпения. Кирилл смотрел на указатели, пробовал восстановить маршрут, затем бросил. За стеклом появлялись магазины, заправки, автобусы. Мимо проплывала обычная жизнь. До неё, казалось, рукой подать, а выйти к ней он не мог. В Гомеле их разместили в здании с длинными коридорами. Лампочки горели через одну, в умывальной пахло влажной краской. Кирилл получил форму, долго перебирал её, не понимая, какая вещь должна лежать сверху. Сергей смотрел, не вмешиваясь. Потом подвинул стул.

— Сначала размер проверь. Остальное потом.

Ботинки оказались неудобными. Кирилл решил заменить их сразу; Сергей, заметив, что он снова возится с выдачей, молча подвинул ему стул. После прежней службы оба знали цену

таким мелочам и не собирались проверять, сколько времени удастся терпеть неудобство. Документы ещё могли обсуждаться неделями, а здесь хотя бы один вопрос решался за несколько минут.

* * *

Первые дни состояли из ожидания и повторения. Проверяли сведения, объясняли порядок, собирали, распускали, снова собирали. Кто-то сердился, кто-то шутил, кто-то делал вид, что заранее всё знал. Кирилл быстро заметил, что самым убедительным голосом обычно обладают люди, которым известно не больше остальных. Возвращались служебные привычки: он заранее проверял вещи, экономил силы между сборами и внимательно вслушивался в содержание приказов. В спецподразделении и на сирийском контракте он уже видел, как мелкая небрежность задерживает всех, поэтому сама необходимость повторной проверки не раздражала. Раздражало другое — неизвестность нового порядка и люди, которые пользовались ею, чтобы выглядеть осведомлённее остальных. Прежде чем возражать, Кирилл выяснял, кто отвечает за решение, и обращался уже к этому человеку. Сергей не был инструктором, но к нему постоянно обращались. Он отвечал коротко, без желания учить жизни. Однажды молодой парень спросил, страшно ли в первый раз. Сергей некоторое время молчал.

— В первый раз ещё непонятно, чего именно боишься.

— Что дальше?

— Потом понятно.

Никто не засмеялся. Кирилл запомнил паузу после этих слов лучше самих слов. Ему разрешили коротко сообщить близким, что он жив и находится в поездке. Через знакомого адвоката он передал матери осторожную версию. Виктории не написал. Теперь неизвестность приобрела удобное оправдание: нет смысла пугать, пока ничего конкретного не известно. Он представлял будущий разговор как встречу двух разумных людей. Совсем не представлял недели, которые она уже прожила без него.

Вечером двадцать третьего февраля в общей комнате работал телевизор. Кто-то шутил по поводу праздника, кто-то искал носки, молодой человек с длинными пальцами пытался починить ремешок часов. Кирилл сидел на кровати с листом бумаги и хотел записать адреса, которые помнил. Получалось плохо. В голове оставались дорогие рестораны, номера квартир, гостиницы. Чужие домашние адреса исчезали первыми. Сергей лёг, не выключая света над собой.

— Ты до этого чем занимался?

Кирилл рассказал в общих чертах, как помогал проводить сделки с криптовалютой.

— Людям помогал договориться, значит.

— Примерно.

— Здесь пригодится.

— Я надеялся, здесь пригодится что-нибудь другое.

Сергей повернулся к нему.

— Другого у тебя сейчас нет.

Кирилл хотел пошутить, однако понял, что Сергей спрашивает о его готовности отвечать за себя в нынешних обстоятельствах. Сирия оставалась реальным боевым опытом; знание того, как вёл себя под нагрузкой раньше, помогало держаться. Здесь никто не видел его в деле. Звание капитана само по себе доверия не прибавляло. Он выключил свет и долго лежал с открытыми глазами. За стеной кто-то разговаривал по телефону: тихо, ласково, совершенно не так, как днём. Говорил женщине, что любит. Кирилл слушал против воли и завидовал тому, как свободно этот человек говорил о любви.

* * *

Утро двадцать четвёртого февраля не запомнилось единым событием. Потом, когда люди будут спрашивать, что он почувствовал, Кирилл обнаружит, что ему нечего рассказать одной

фразой. Были сборы, обрывки новостей, чужие лица, изменившийся тон команд. Было понимание, что прежние неопределённые формулировки получили смысл, который никто не хотел произносить заранее. Он не пытался выдать прежний опыт за знание новой обстановки. Там, где порядок был понятен, действовал без лишних вопросов; там, где изменились люди и условия, уточнял, даже если это задевало самолюбие. После Сирии Кирилл знал, как дорого обходится желание показаться осведомлённым на минуту раньше, чем стал им на самом деле. Рядом были люди, которые воевали здесь дольше него, и он предпочитал услышать их прежде, чем решать, что узнаёт знакомую ситуацию.

В первые дни ему поручали работу, связанную с учётом и людьми. Списки приходилось переделывать, транспорт задерживался, вещи то и дело переносили с места на место. Привычка восстанавливать цепочку событий неожиданно помогала. Он находил людей, которые помнили, куда перенесли ящики, кто забрал документы и кому передали распоряжение, и по их ответам восстанавливал порядок. Иногда этого было достаточно, чтобы снять чужую панику.

Однажды двое мужчин начали спорить из-за пропавшего имущества. Спор уже перестал относиться к вещам и перешёл на прошлую жизнь, характер, происхождение. Кирилл вклинился, задал несколько скучных вопросов и выяснил, что оба говорят о разных отправках. Мужчины разошлись, продолжая сердиться и ругаться вполголоса. Кирилл остался стоять между ними и почувствовал, как понемногу отпускает напряжение.

— Видишь, пригодился, — сказал Сергей вечером.

— В Москве за такое хотя бы платят.

— Здесь тоже платят. Только не всегда деньгами.

Кирилл поморщился.

— Не надо загадок.

Сергей посмотрел на него.

— Ты сегодня двух дураков от глупости удержал. Завтра один из них не будет злиться на всех подряд. Этого мало?

Кирилл не ответил. Он всё ещё привык считать результат тем, что можно предъявить. В памяти надолго осталась вытянутая рука погибшего возле машины мужчины: казалось, тот собирался поднять упавший предмет и застыл на полпути. Кирилл запомнил грязь на ладони и злился на себя за то, что память удерживает именно это: ему хотелось хотя бы узнать, кто перед ним, однако имя так и не прозвучало. Боевой опыт не превращал чужую смерть в понятную подробность обстановки. После этого не мог есть. Сергей поставил рядом кружку, сел и молчал. От тепла кружки и спокойного присутствия Сергея понемногу становилось легче. Кирилл был благодарен ему именно за отсутствие сравнения.

Ночью он думал о Глебе, о биткоинах, о том, что в другом мире по-прежнему существуют суммы, вызывающие у людей восторг. Среди происходящего эта мысль удивляла его своей нелепостью. С таким же успехом его могли бы попросить выбрать занавески во время пожара. Утром он снова занялся списками. Работа не лечила, но занимала ту часть головы, которая иначе повторяла один и тот же образ.

* * *

Однажды Сергей спросил о Сирии сам. До этого обходился без вопросов о прошлом, словно принимал каждого в том виде, в каком тот оказался на соседнем месте. Они сидели у стены, ждали, когда освободится помещение, и Кирилл пересказывал недавнюю путаницу с поручениями. На середине фразы Сергей остановил: слишком знакомо у него вышло одно слово, которое редко употребляли люди, ограничившиеся сборами. Кирилл ответил коротко, без названий подразделений и чужих фамилий. Сказал про контракт, срок, возвращение в гражданскую жизнь. Сергей выслушал и заметил, что теперь лучше понимает Кирилла: привычные проверки тот переносит спокойно, зато при неопределённости сразу начинает задавать вопросы. Кирилл усмехнулся: в прежней службе его как раз учили принимать ограниченную

информацию. Там он знал людей, с которыми шёл на дело. Здесь ему предложили подписать бумаги и лишь потом узнать, что за ними стоит.

Они говорили без обычного обмена историями, в котором каждый подбирает случай опаснее предыдущего. Кирилл вспомнил товарища, после возвращения устроившегося в небольшой сервис: тот мог час объяснять разницу между двумя деталями, но о контракте отвечал двумя словами. Сергей рассказал о человеке, который после каждой поездки сначала чинил дома всё, что накопилось, а потом несколько дней не мог заставить себя выйти за хлебом. Эти разговоры не давали преимуществ. Просто позволяли узнать друг друга вне текущего назначения. Позже Кирилл остался один и попробовал восстановить в памяти свой первый день в Сирии. Лица возникали неровно; гораздо отчётливее помнились тяжесть сумки, неудобная обувь, чьё-то спокойное «сюда не ставь». Тогда ему тоже казалось, что возвращение будет ясной границей: там останется служба, здесь начнётся остальная жизнь. За годы граница успела исчезнуть, а он продолжал вести себя так, будто может закрыть её по собственному расписанию.

Прежний боевой опыт помогал представить, на что он согласился, и от этого тревога только усиливалась. Он представлял, какие последствия могут скрываться за несколькими сухими словами, знал цену удачному стечению обстоятельств и не рассчитывал защитить от всего собственную подготовку.

К вечеру перечитал записанные номера, проверил вещи, после чего долго сидел, удерживая телефон в руке. Матери нужно было сообщить хотя бы, что он доехал. Виктории он снова не написал, хотя опыта для простого решения требовалось меньше, чем решимости. В марте они несколько дней жили в помещении, где на стене осталось детское расписание. Таблица с уроками, нарисованные звёздочки, клетчатая бумага. Кирилл старался не смотреть. Комнату прежде занимали дети; теперь взрослые приспосабливали её к своей жизни, постоянно натыкаясь на оставленные ими вещи. Люди спали под чужими следами и не знали, что с этим делать.

У двери стояла коробка с книгами. Кирилл взял одну, открыл на середине. Детский почерк на полях спорил с печатным текстом. Он закрыл книгу, поставил обратно и вдруг понял, что не хочет, чтобы его жизнь когда-нибудь объясняли исключительно собственной бедой. До сих пор ему и в голову не приходило, каково пришлось другим, пока он был занят собственной бедой. Сергей однажды получил посылку. Внутри были носки, сладости, несколько пакетов чая и записка от сестры. Он поделился почти всем, записку убрал в карман. Кирилл спросил, почему тот никогда не рассказывает о семье.

— Рассказываю, когда спрашивают.

— Женат?

— Был.

— Давно развёлся?

— Давно достаточно, чтобы перестать доказывать, кто прав.

Кирилл хотел перевести разговор на себя, но Сергей уже раздавал чай. Настоящий совет Сергей мог дать, только зная про Викторию. Тут пришлось бы признаться, кто из них двоих столько времени молчал. Он сделал несколько фотографий. В тот момент ему хотелось сохранить лица людей, с которыми он проводил эти дни. На одном снимке Сергей щурился, потому что солнце оказалось прямо перед ним. На другом Кирилл смотрел в сторону, ещё не зная, что его снимают. Эти фотографии позже будут выглядеть убедительнее любого рассказа, хотя почти ничего не объяснят. Когда появилась возможность связаться с внешним миром, Кирилл попросил телефон. Сначала написал матери через знакомый канал. Потом нашёл старую фотографию Виктории, которую когда-то переслал себе в облачное хранилище. Связь работала плохо, изображение долго появлялось полосами. Он ждал с нетерпением, несоразмерным технической операции.

Когда на экране появилось её лицо, Кириллу стало стыдно за всё время, прошедшее с их последнего разговора. Слишком много времени прошло для простого «привет». Требовалась история. Требовался порядок слов, в котором он не выглядел бы человеком, сознательно оставившим её одну. Он набрал несколько строк, остановился, стёр. Сергей прошёл мимо, посмотрел на экран и ничего не сказал. Через полчаса, когда Кирилл вернул аппарат, спросил только:

— Получилось?

— Нет.

— Связь?

Кирилл кивнул. По лицу Сергея было видно, что он понял. Расспрашивать он не стал.

* * *

Однажды вечером их задержала путаница с транспортом. Для перевозки людей и имущества назначили несколько машин, однако к нужному времени часть транспорта оказалась на других работах, а утреннее распоряжение уже требовало уточнения. Вокруг росло раздражение. Все ссылались на разговоры, которые никто не мог воспроизвести целиком. Кирилл сначала стоял в стороне. Потом попросил каждого рассказать, что уже произошло и какие распоряжения действительно выполнены. Вопрос показался окружающим издевательским. Ему ответили резко. Он повторил без нажима и достал обрывок картона, чтобы записывать. Через двадцать минут выяснилось, что два поручения считались одним, потому что их передали с разницей в несколько минут и одинаковым словом «туда». Решение не было блестящим. Пришлось ждать, передавать заново, признавать задержку. По крайней мере, люди перестали обвинять друг друга в сознательной беспечности. Сергей стоял рядом и наблюдал, как Кирилл несколько раз перепроверяет одну фамилию.

— Боишься ошибиться?

— Да.

— Правильно.

Кирилл поднял голову. Он привык отвечать на чужой страх успокоением, а теперь услышал в словах Сергея уважение к осторожности. Это было неприятным открытием для человека, который прежде зарабатывал именно способностью звучать уверенно. Позже к ним подошёл один из участников спора и протянул пачку печенья. Кирилл сказал, что не нужно. Мужчина настойчиво положил её рядом.

— Бери. Ты услышал, что он пытался сказать.

Кирилл хотел ответить шуткой про оплату консультации, но удержался. Вместо этого поблагодарил и разделил печенье с остальными. Впервые за долгое время он почувствовал удовлетворение от пользы, которую его работа принесла людям рядом. Через несколько дней ему пришлось сообщать плохую новость. О случившемся спрашивал человек, служивший рядом с погибшим. Кирилл знал недостаточно, чтобы рассказывать, но достаточно, чтобы не обещать возвращение. Он начал с осторожных слов, затем увидел лицо собеседника и остановился.

— Я не знаю всех обстоятельств, — сказал он. — Подтверждено только это.

Мужчина кивнул, будто услышал техническую информацию, и ушёл. Через час Кирилл увидел его сидящим в одиночестве возле стены. Захотел подойти, но не смог придумать, что сказать. Сергей заметил его колебание.

— Не обязательно что-то говорить.

Кирилл всё-таки подошёл. Сел рядом. Они молчали несколько минут, потом мужчина попросил воды. Кирилл принёс. Мужчина пил, пока Кирилл придерживал кружку, потом вытер рот рукавом. В другой день рядом с местом, где они остановились, появилась пожилая женщина. Она хотела забрать несколько вещей из дома и говорила так быстро, что слова сливались. Кирилл не понимал половины сказанного. Улавливал только «документы», «муж», «пускать». Ему хотелось немедленно решить вопрос, как решают бытовое недоразумение в Москве. Он мог только обратиться к тому, кто отвечал за проход, и передать просьбу женщины. Он позвал

человека, который мог разобраться, и отошёл. Женщина продолжала смотреть на него, словно именно он теперь отвечал за всё. Кирилл не смог выдержать её взгляд. Вечером пытался объяснить Сергею, что ничего не мог сделать.

— Я не спрашивал, — ответил тот.

— Просто…

— Ты себе объясняешь.

Кирилл рассердился. Потом понял, что это правда. Ему очень хотелось оставить за собой представление о человеке, который всегда находит выход. Ему приходилось оставаться рядом с чужим страданием и чувствовать собственную беспомощность, даже когда все доступные действия уже были сделаны. Они поссорились из-за еды. Ничтожный повод, которого потом оба стыдились: Кирилл занял место, Сергей резко попросил подвинуться, Кирилл ответил с усталой язвительностью. Несколько фраз, слишком громкий голос. В обычной жизни можно было уйти, закрыть дверь, написать позже. Здесь они через десять минут оказались рядом по делу. После работы Сергей обычным голосом попросил нужную бумагу и протянул кружку. Кирилл принял её, удивившись, как быстро их ссора улеглась среди общих дел.

— Ты сегодня резкий.

— Ты тоже.

— Я знаю.

На этом разговор закончился. Кирилл впервые за долгое время увидел ссору, которой не требовался победитель. Обоим хватило нескольких слов об усталости, чтобы снова вернуться к работе. Ночью он долго думал об этом. С Викторией даже мелкая обида часто превращалась в обсуждение отношений целиком. Чаще всего начинал он сам: отказывался ответить на конкретный вопрос, требовал не контролировать, говорил о доверии. Теперь, лёжа в тесном помещении, Кирилл мог восстановить некоторые разговоры с неприятной точностью. Здесь было легко придумать, что следовало ей сказать. Смог бы он повторить это, глядя Виктории в глаза? Он всё-таки написал ей сообщение на бумаге. Начал с «Вика, прости». Затем зачеркнул: прощение предполагало, что он уже решил, за что отвечает. Написал «Я жив». Эта фраза выглядела страшно без объяснений. Дальше пошли длинные предложения про обстоятельства, возможность связи, необходимость потерпеть. Перечитав, Кирилл увидел, что письмо похоже на уведомление от организации, которая не собирается возвращать деньги. Он скомкал лист, но не выбросил. Положил в карман. На следующее утро Сергей заметил бумажный комок, когда Кирилл искал ручку.

— Адрес потерял?

— Нет.

— Тогда отправь.

— Не твоё дело.

Сергей кивнул.

— Не моё.

Это спокойное согласие оказалось тяжелее нравоучения. Кирилл хотел извиниться, но Сергей уже занимался другим. Бумагу он носил ещё несколько дней, потом обнаружил, что она распалась от сырости. Ничего мистического в этом не было: карман промок. Кирилл даже испытал облегчение: искать слова больше не требовалось. Теперь письмо нельзя было отправить, и за это наконец отвечали обстоятельства. К концу весны Кирилл похудел. Движения стали короче, голос тише. Он стал беречь паузы и пользоваться каждой возможностью спокойно поесть. Некоторые изменения казались полезными. Другие он заметит лишь в Москве, когда громкий хлопок заставит его остановиться посреди улицы. О возвращении сообщили неожиданно. Документы по прежней истории прошли отдельным порядком; адвокат позднее должен был подтвердить, какие бумаги получены и что ещё предстоит. Кирилл не воспринимал происходящее как оправдание или награду. Просто однажды ему сказали собираться, и он

обнаружил, что снова не знает, как выглядит следующий день. Сергей помог найти пропавший ремень сумки. Потом они стояли рядом, не умея нормально попрощаться.

— Позвони, когда доберёшься, — сказал Сергей.

— Ты тоже пиши.

— Напишу.

Они обменялись контактом, проверили, правильно ли записано имя. Этот мелкий обмен казался надёжнее любых обещаний: существует номер, значит, человек не исчезнет полностью.

— С той поговори, — сказал Сергей напоследок.

Кирилл опустил глаза.

— Поговорю.

Он был уверен, что теперь действительно поговорит. Сперва домой, под душ и в постель. К ней он хотел приехать в чистой рубашке, с ясной головой. Список предварительных условий казался коротким. Обратная дорога не принесла ожидаемого восторга. Кирилл думал, что будет смотреть в окно и радоваться каждому километру. Вместо этого спал, просыпался, не сразу узнавал место. В какой-то момент человек напротив громко возмутился задержкой, и Кирилл почувствовал внезапную злость. Хотел сказать ему, что такое настоящая задержка. Потом удержался. Человек не обязан был жить чужими мерами страдания. Москва встретила сухим тёплым воздухом. У тротуара стояли люди с телефонами, кто-то спорил о машине, кто-то курил. Кирилл оглядывался, стараясь понять, что изменилось. Город не подавал признаков, что заметил его отсутствие.

До дома Кирилл ехал молча, ответив только водителю, который принял его за вернувшегося из командировки. Это слово оказалось удобным, гладким, не цепляло дальнейших вопросов. Он ещё не знал, сколько раз воспользуется им в совершенно разных обстоятельствах. В подъезде пахло моющим средством. На площадке горела новая лампа. Ключ повернулся не сразу: Кирилл перепутал направление и разозлился на себя. Когда дверь наконец открылась, он увидел кухонный стул с серым шарфом на спинке. Кирилл поставил сумку, долго смотрел на него и наконец подошёл. Шарф впитал запах закрытой квартиры. Он приложил шарф к лицу, сам удивившись этому движению. Ничего не почувствовал. Тогда сложил его аккуратно, положил на стол и пошёл закрывать входную дверь. Она всё это время оставалась открытой.

Глава пятая
Человек, которого не было

В первый вечер дома Кирилл не смог выбрать, где спать. Кровать была широкой, диван — слишком мягким, в гостиной мешал свет с улицы. Он ходил по квартире, переносил подушку, открывал и закрывал окно. В конце концов лёг на край кровати, поверх покрывала. Через час его разбудила непривычная тишина квартиры, в которой постепенно стали различаться гул холодильника, вода у соседей и остановившийся этажом выше лифт. Каждый звук требовал объяснения, и объяснять их приходилось снова, когда он начинал проваливаться в сон. К утру Кирилл устал больше, чем накануне.

Перед завтраком открыл приложение доставки. В корзину отправилось всё, чего ему в последние месяцы так хотелось попробовать. Курьеру пришлось несколько раз сходить за пакетами. Сыр, фрукты, хлеб нескольких видов, готовые блюда, которые теперь не вызывали аппетита. Парень у двери спросил код, поблагодарил и ушёл. Кирилл долго смотрел на оставленные пакеты. Мир продолжал работать без него; чтобы получить еду, достаточно было нажать несколько кнопок. Это открытие почему-то не радовало.

На столе лежал телефон. Остальные вещи после изъятия ещё не вернули. Кирилл дождался, пока загрузятся сообщения, и нашёл чат Виктории. Снизу стояло её последнее: «Я всё поняла. Больше можешь не появляться». Он прокрутил переписку назад. Вот она сердится. Выше спрашивает, не случилось ли чего, и просит написать хоть слово. Ещё выше шутит про залог. Сколько дней она пыталась его найти, он до сих пор не представлял.

Он набрал: «Вика, это я. Вернулся». Зачем «это я», если на экране его имя? Стёр. Попробовал снова, но опять вернулся к её последним словам. Удобно было принять их за разрешение молчать. Он положил телефон, взял со стола серый шарф и убрал в шкаф.

* * *

Дмитрий Игоревич принял его в офисе, где пахло кофе и новой бумагой. Сев напротив, Кирилл несколько секунд прислушивался к тихому дому, привыкая к возможности говорить столько, сколько потребуется. Адвокат положил на стол папку, объяснил содержание документов, предупредил, какие формальности ещё остались. Говорил аккуратно, не превращая сложившийся исход в собственную победу. Кирилл спросил, всё ли теперь закончено.

— Для этой истории получены вот такие документы, — ответил адвокат и показал нужный лист. — Слова «всё закончено» я предпочитаю не использовать вместо чтения.

— Вы совсем не меняетесь.

— Надеюсь, меняюсь. Просто не в этой части.

Обсудив оплату и оставшиеся вещи, Дмитрий Игоревич спросил о его здоровье. Кирилл привычно ответил, что всё нормально, и адвокат принял этот короткий ответ. Уже в дверях он дал Кириллу телефон специалиста, к которому обращались другие его клиенты.

— Это не обязательство, — сказал он. — Просто номер.

Кирилл взял карточку из вежливости. На улице собирался выбросить, но рядом не оказалось урны. Убрал в кошелёк. Через несколько недель именно случайное отсутствие урны приведёт его в другой кабинет. На обратном пути заехал к Арсению. Тот обнял его коротко, без театрального удивления, поставил чайник и не спросил сразу, что было. Кирилл сам начал рассказывать — выборочно, с большими провалами. Арсений слушал, не помогая заполнять паузы.

— Ты на меня не сердись, — сказал он наконец.

— За что?

— Я мог бы настойчивее тогда отговаривать.

— Это было другое дело.

— Всё равно.

— Не надо брать то, что не твоё.

Арсений посмотрел на него. Кирилл не понял этот взгляд, а позже вспомнит собственную фразу в совершенно другом контексте. О делах говорили мало. Люди разъехались, договорённости распались, некоторые компании продолжали существовать только названием. Арсений показал переписку с партнёром, который сначала просил подождать, потом перестал отвечать. Кирилл узнавал интонации. Его прежний мир оказался полон мужчин, недоступных по разным причинам, и каждый считал своё исчезновение исключительным.

— Начинать заново будешь? — спросил Арсений.

— Наверное.

— С чего?

Кирилл посмотрел на кружку.

— Пока посплю.

Это был самый честный ответ, который он дал за день.

* * *

К матери он доехал только через неделю, хотя они оба жили в Москве. Вышел из машины возле знакомого цветочного киоска, купил слишком большой букет и остаток дороги держал его на соседнем сиденье, придерживая на поворотах. За окнами шли привычные кварталы, двор школы, где он учился, остановка, с которой много лет назад ехал на первые шахматные соревнования. Город не требовал нового знакомства, но Кирилл всё равно чувствовал себя человеком, которому надо сначала найти повод появиться в собственном прошлом. У дома матери двое рабочих меняли ограждение; он задержался у них на минуту, с необъяснимым желанием подать инструмент и сделать что-нибудь, результат чего можно увидеть сразу. Мать встретила у двери. Обняла, потом отстранилась, взяла лицо в ладони. Она была ниже его и тянулась вверх, как в детстве, когда проверяла температуру губами.

— Худой какой.

— Откормите.

Она улыбнулась, но глаза остались мокрыми. Кирилл сразу пожалел о шутке. Все подготовленные объяснения вдруг показались грубыми рядом с её руками. В квартире ничего не изменилось. Магнит на холодильнике держал квитанцию, на телевизоре лежала салфетка, которую Кирилл много раз предлагал убрать. Мать жарила котлеты, хотя он просил не готовить. Периодически выходила из кухни, будто проверяла, что он не ушёл. За обедом спросила про Викторию. Кирилл ответил, что пока не виделись.

— Она знает, что ты вернулся?

— Ещё нет.

— Почему?

— Нужно сначала разобраться с собой.

Мать положила вилку.

— Ей-то что делать всё это время?

Кирилл почувствовал раздражение, мгновенное и несправедливое. Хотел сказать, что мать ничего не понимает. Потом увидел, как она смотрит на него, и замолчал.

— Я не знаю, что у вас, — продолжила она. — Ты же не можешь требовать, чтобы она прочла письмо, которого ты не написал.

Он ответил, что ничего не требует. Мать не спорила. От этого стало хуже: она оставила ему собственные слова без возможности победить в разговоре. Вечером они смотрели телевизор без звука. Мать засыпала в кресле, просыпалась и спрашивала, не хочет ли он чаю. Кирилл отвечал, что не хочет, затем сам пошёл ставить чайник. Пока вода нагревалась, открыл переписку с Викторией. Палец завис над кнопкой звонка. Он представил, как сейчас мать услышит

разговор из другой комнаты. Он закрыл переписку, решив вернуться к объяснению в более подходящей обстановке, и остался у матери на ночь. Во сне услышал металлический удар, проснулся и сел. За окном ветер качнул незакреплённый лист на соседском балконе. Мать появилась в дверях почти сразу. По его виду она сразу поняла, что он испугался. Принесла воды, села на край кровати. Кирилл хотел сказать, чтобы она шла спать, но не сказал. Впервые за несколько месяцев позволил кому-то просто побыть рядом с его страхом.

Утром, перед отъездом, мать положила в сумку контейнеры с едой. Он начал возражать, потом вспомнил ночную воду и перестал. Чужую заботу тоже можно принимать, не превращая её в спор о собственной самостоятельности.

* * *

В один из следующих дней Кирилл вышел возле старого шахматного клуба. Он собирался пройти по улице, знакомой ещё до института и службы, и задержаться возле прежних мест. На месте маленькой булочной теперь был пункт выдачи, окно подвального зала закрывала новая вывеска, а на двери сохранилось расписание занятий. Он прочитал названия детских групп, увидел фамилию знакомого тренера и некоторое время стоял, держа ладонь на холодной ручке. Изнутри вышли двое мальчиков с чехлом для доски. Один пытался доказать другому, что соперник «просто повезло» нашёл защиту. Кирилл услышал обрывок варианта, мысленно продолжил и едва не вмешался. Когда-то он так же шёл от двери до остановки, не прекращая анализировать проигранную партию, а мать ждала у машины и сразу понимала результат по тому, насколько быстро он говорил. Теперь достаточно было назвать знакомую фамилию, чтобы дверь открылась, однако он не знал, что объяснит человеку за столом о прошедших месяцах.

В конце концов вошёл. Администратор не узнала его, попросила подождать окончания занятия. Кирилл сел у стены. На демонстрационной доске разбирали простое окончание, дети наперебой предлагали ходы, тренер каждый раз возвращал им вопрос. Он слушал и находил себе небольшую работу: проверял, какой вариант учитель оставил на потом, сколько времени потребуется до возражения самого упрямого мальчика. Впервые за несколько дней внимание перестало возвращаться к телефону через каждую минуту. Тренер узнал его сразу. Поздоровался, спросил, играет ли ещё, предложил заглянуть вечером, когда соберутся взрослые. Кирилл ответил уклончиво, потом всё же остался до начала. Ему принесли обычные фигуры с тяжёлыми основаниями. После самодельного набора Бориса Львовича их гладкость показалась неестественной, и он несколько раз поворачивал коня в пальцах, прежде чем поставить на место.

Соперник оказался сильным. Они играли без часов, долго молчали, после предложенной ничьей ещё полчаса разбирали спорное место. Кирилл не почувствовал триумфа от возвращения к хорошей игре. Скорее обнаружил, что за время его отсутствия сохранилось занятие, которому он может отдать себя без рассказа о причинах исчезновения. Здесь достаточно было увидеть ход и ответить на него, а дальнейшие вопросы люди задавали только с его согласия. Уходя, записал время следующей встречи.

Вечером мать спросила, куда ездил. Он впервые рассказал за день больше, чем было необходимо: о тренере, о новой двери, о мальчике, который слишком быстро двигал пешку, стараясь доказать, что уже всё понял. Мать слушала и улыбалась, не напоминая, сколько лет сама возила его по московским адресам с точно такой же доской. После звонка Кирилл сохранил номер клуба, но на следующую встречу не поехал. Пока даже возвращение к безопасному прошлому требовало сил, которых не хватало каждый день.

О Виктории он узнал от Олега. Они встретились случайно возле кофейни. Олег сначала обрадовался, затем стал осторожным: очевидно, не знал, какие вопросы разрешено задавать. Кирилл рассказал короткую версию возвращения, не упоминая заключение. Олег покивал, сказал что-то сочувственное и предложил выпить кофе. Разговор шёл неровно. Они вспоминали

знакомых, обсуждали, кто уехал, кто женился, кто закрыл бизнес. Кирилл несколько раз собирался спросить о Виктории и всякий раз выбирал другую фамилию. Наконец Олег сам произнёс её имя, рассказывая о недавнем дне рождения Нины.

— Она приходила?

— Да. С Игорем.

Кирилл медленно поставил чашку. Ему хотелось ещё раз услышать имя.

— С каким Игорем?

Олег замолчал. Именно эта пауза всё и объяснила.

— Они, кажется, вместе. Я думал, ты знаешь.

Кирилл кивнул, будто подтверждал полученную информацию. Внутри ничего не оборвалось: наоборот, всё стало неприятно собранным. Он всё чаще представлял историю так, будто его страдание и её продолжающаяся жизнь сами по себе определяют, кто прав. Возвращение казалось ему достаточным основанием ждать, что она снова выберет его. Откладывая чтение, он сохранял удобную тишину, в которой ещё можно было обходиться прежними объяснениями самому себе.

Перед ним снова была Виктория первых месяцев: убирает телефон в сумку, говорит, что дома всё давно кончилось. Тогда он охотно верил. Теперь чужое имя хотелось принять за подтверждение того, что он всегда боялся в ней увидеть. Только Кирилл сам исчез, а вернувшись, так и не позвонил. Она могла решить, что ждать больше некого. Он понимал это, но от понимания не становилось легче. Даже воображая, что она снова рядом, он уже боялся: однажды за их общим столом она так же уберёт телефон, а он не решится спросить, кто ей пишет.

— Давно?

— Не знаю. Кирилл, она тебя искала.

Он отвёл взгляд.

— Я видел.

— Ты же пропал совсем.

— Были причины.

Олег перестал спорить. Кирилл заплатил за кофе, хотя тот предлагал разделить счёт, и ушёл слишком быстро. На улице несколько раз открыл телефон. Ему хотелось позвонить и высказать обиду, которую он уже успел превратить в обвинение. Представил, как спрашивает: «Ну что, дождалась?» Увидел в этой фразе себя со стороны и убрал аппарат.

Вечером нашёл её страницу. На нескольких фотографиях рядом с Викторией стоял Игорь. На некоторых Виктория стояла одна, на других — с подругами, на одной смеялась, отвернувшись от камеры. Кирилл увеличил снимок с мужчиной и начал изучать его лицо, будто там могла быть причина произошедшего. Игорь выглядел обычным человеком, случайно попавшим в кадр. Кирилл мучительно думал, как просто тому, должно быть, давалась близость, за которую самому Кириллу теперь пришлось бы объясняться. Несколько минут он его попросту ненавидел, потом устал. Больше всего раздражало, что тот не знал о соперничестве и потому уже выигрывал в нём без усилий.

Кирилл не позвонил. Сказал себе, что не станет разрушать её жизнь. Такое объяснение позволяло ему чувствовать себя великодушным и одновременно откладывать трудный разговор. При встрече Виктория наверняка спросила бы, почему он молчал столько времени. Он выбрал красивое объяснение своего бездействия и держался за него. Шарф положил в коробку. Он задвинул её на полку, оставив крышку чистой. Тогда коробка была одна.

* * *

Работать не получалось. Кирилл встречался с людьми, начинал разговоры, соглашался подумать над проектами. Через несколько дней переставал отвечать. Его раздражали срочность, самоуверенность, привычка обсуждать большие суммы так, будто они решают всё. Одновременно раздражало, когда собеседники не замечали его прежней компетентности. Он

хотел, чтобы от него ничего не требовали и всё-таки считались с ним. Эти желания всё сильнее мешали друг другу.

Однажды в ресторане за спиной упал металлический поднос, и Кирилл резко дёрнулся, вцепившись в край стола. Арсений, сидевший напротив, сделал вид, что не заметил. Позже, уже на улице, спросил, ходил ли он к тому специалисту, чей контакт лежит в кошельке.

— Откуда знаешь?

— Ты сам показывал карточку.

Кирилл не помнил. Эта дырка в памяти испугала больше реакции на шум. На первую встречу он пришёл с намерением доказать, что ему не требуется помощь. Кабинет оказался обычным: кресла, лампа, книжный шкаф, вода. Женщина, принимавшая его, не стала сразу спрашивать про войну. Попросила рассказать, как проходит день. Кирилл описал вполне благополучную жизнь человека, у которого есть квартира и возможность пока не работать. Потом замолчал. Она спросила, нравится ли ему хоть что-нибудь из перечисленного.

— Это обязательное условие?

— Для чего?

— Хочу чувствовать, что я нормально живу.

Она не ответила за него. Кирилл рассердился на этот способ разговора: вопросы без готовой оценки казались уловкой. Через несколько дней он пришёл снова. На второй встрече впервые рассказал, что не звонит женщине, которую любит, потому что та живёт с другим. Слова «не дождалась» прозвучали сами.

— Она знала, где вы?

Кирилл посмотрел на окно.

— Не всё было просто.

— Я спрашиваю не о простоте.

Он хотел уйти. Остался. Разговор не дал утешения, зато лишил одну из обид привычной ровной поверхности. На ней появились подробности, которые трудно было игнорировать. Кирилл ещё долго будет пытаться сгладить их обратно. Постепенно сон стал лучше. Беседа помогла ему сделать первый шаг, хотя остальное ещё предстояло прожить самому. Были прогулки, режим, лечение, время, дни без результата. Он научился не назначать себе больших решений после плохой ночи. Это правило помогало чаще, чем обещание начать новую жизнь с понедельника.

* * *

Однажды он всё-таки доехал до дома Виктории. Он уверял себя, что ограничится короткой прогулкой возле дома. Просто оказался неподалёку. В действительности пришлось сделать крюк и дважды развернуться, потому что привычный подъезд к дому перекрыли. Кирилл припарковался напротив, заглушил двигатель и сразу почувствовал себя человеком, которому здесь не место. Окно её кухни было открыто. На подоконнике стоял горшок, которого раньше не было. Эта маленькая новая вещь поразила сильнее фотографии с Игорем. За время его отсутствия в её квартире переставили вещи, изменили расположение цветов и стали чаще открывать окна; от мысли об этих незнакомых ему переменах делалось особенно тяжело. Жизнь не ждала окончательного решения о прошлом, чтобы купить растение. Он просидел двадцать минут. Виктория вышла из подъезда с пакетом, отнесла его к контейнеру, задержалась у соседки с собакой. Разговаривала спокойно, улыбнулась, наклонилась погладить животное. Кирилл смотрел через лобовое стекло и испытывал почти физическое облегчение: она жива, здорова, всё у неё хорошо. Затем ту же картину немедленно истолковал иначе: значит, пережила легко.

Виктория прошла в нескольких шагах от его машины, не повернув головы. Кирилл мог открыть дверь, назвать её имя. Он представлял этот момент столько раз, что теперь реальный голос казался невозможным. Вместо голоса у него оставался только учащённый пульс и жела-

ние, чтобы она каким-то образом узнала его сама. Он подождал, пока за Викторией закроется подъездная дверь, увидел, как через минуту она закрыла кухонное окно, и только тогда завёл двигатель. На выезде уступил дорогу школьникам, и один из мальчиков кивнул ему в благодарность. Это обычное движение неожиданно вернуло чувство существования: кто-то видел его, реагировал на него. Он не был призраком только потому, что один человек прошёл мимо.

Вечером написал сообщение на старый номер: «Увидел тебя сегодня. Хотел подойти». Прочитал, почувствовал, насколько унизительно звучит пассивное «хотел», и стёр. Написал другое: «Рад, что у тебя всё хорошо». Оно оказалось ещё хуже, почти упрёком. В итоге закрыл переписку и заказал еду.

На следующий день Кирилл принялся разбирать собственные рубашки, обувь и старые рабочие папки, которые хотелось поскорее убрать с глаз. Позвонил в службу вывоза, потом отменил заказ: слишком много личного. Несколько часов сортировал, пока квартира не оказалась завалена раскрытыми коробками. В одной нашёл билеты из прежней поездки. Виктория смеялась тогда, что он хранит бумажки хуже старого бухгалтера. Кирилл действительно сохранял их без особой цели: сунул в карман, переложил, забыл. Теперь оказалось, что случайный мусор обладает властью воспоминания. Он поднял один чек, увидел сумму, название ресторана и мгновенно вспомнил, как она отказывалась пробовать незнакомое блюдо. Он хотел выбросить чек, но оставил. Он сказал себе, что документ ещё может понадобиться, и спрятал его среди оставленных бумаг. Для чего — не придумал. Это была первая бумажка, которую он сознательно сохранил как повод не расставаться окончательно. Позже таких предметов станет много, и он научится использовать их гораздо практичнее.

Кирилл купил новые простыни. Выбрал совсем другой цвет, хотя прежде считал это неважным. Переставил лампу. Попросил мастера заменить замок, потом долго объяснял, что старый не сломан, просто хочет другой. Мастер спокойно выполнил просьбу, приняв короткое объяснение Кирилла.

Через несколько дней квартиру убрали. Она выглядела лучше, чем до его исчезновения. Кирилл прошёлся по комнатам и обнаружил, что порядок не решил ничего. Теперь стало особенно видно, что дело не в вещах. По рекомендации специалиста он начал записывать, что делает в течение дня. В блокноте появлялись короткие отметки о еде, прогулках и встречах. По ним было видно, как понемногу складывается обычный день. Первые записи выглядели оскорбительно короткими. Успешный взрослый человек не должен радоваться тому, что смог сходить за хлебом. Позже он заметил, что постоянно сравнивает себя с прежним Кириллом, приписывая тому уверенность и благополучие, которых на самом деле часто недоставало.

Однажды он прошёл пешком от дома до набережной и обратно. По дороге купил яблоки у женщины, которая не принимала карты. Он долго искал в карманах наличные, затем расплатился мелкими купюрами и забрал сдачу, ещё на несколько минут задержавшись возле прилавка.

Вечером он отвёл этой покупке почти целую страницу. Описал запах яблок, холодный ветер, ворчание продавщицы про сдачу. Запись сохранила простые подробности того дня, и Кирилл с удивлением заметил, что сумел прожить его целиком среди обычных дел. Был день, который удалось прожить. Он начал встречаться с людьми без деловой причины. Сначала это давалось трудно: хотелось оправдать встречу полезностью. Позвонил бывшему однокурснику, предложил кофе. Тот привёл пятилетнего сына, потому что не с кем было оставить. Мальчик пролил сок, Кирилл подал салфетки, потом полчаса объяснял, почему корабль на картинке не может ехать по дороге. Разговор о карьере не состоялся. По дороге домой однокурсник извинился.

— Да нормально, — сказал Кирилл.

— Я вообще хотел тебя расспросить. Ты пропал, потом появился, я не понял…

— В другой раз.

Впервые слова «в другой раз» позволили ему спокойно отложить разговор и вернуться к нему, когда появятся силы. Кирилл хорошо провёл час. Этого было достаточно, пока он не начал анализировать, почему. Он несколько раз разговаривал с женщинами, знакомился через общих друзей, соглашался на ужин. Он невольно сравнивал каждую с Викторией и придирчиво отмечал малейшие различия. Ему казалось, что все требуют от него либо веселья, либо ясности. Сам Кирилл пока чувствовал себя слишком растерянным, чтобы ответить на эти ожидания. После одного такого вечера женщина написала: «Ты хороший, но будто всё время ждёшь, что я скажу что-то не так». Кирилл сначала обиделся. Потом понял, что она описала вечер точнее его. Он извинился, не предлагая продолжать. Отказ, сделанный словами, оказался гораздо менее разрушительным, чем исчезновение. В следующий раз он всё-таки опять промолчал.

В конце лета Кирилл поймал себя на том, что иногда просыпается без первой мысли о случившемся. Проходило десять секунд, двадцать, минута — и только потом возвращалась память. Он не счёл это выздоровлением. Просто заметил. В такие дни легче было разговаривать, выходить из дома, принимать решения, не требуя от них сразу изменить всю жизнь. О деньгах он тогда думал меньше всего. У него оставались собственные средства, скромные доходы от старых договорённостей и ощущение, что при желании он способен снова работать. Позднее он станет воспринимать богатство как награду за пережитое и с этой мыслью будет оправдывать всё новые покупки. Он забудет, что возвращаться к жизни начал ещё до того, как решил присвоить себе право пользоваться чужим.

Осенью на телефон пришло сообщение с незнакомого номера, и Кирилл поначалу решил, что адресат ошибся. Потом увидел фотографию и узнал куртку, которую когда-то отодвигал в машине. Сергей погиб. Подробностей было мало, и человек на другом конце тоже знал не всё. Кирилл прочитал сообщение сидя на кухне. Рядом стояла тарелка с завтраком. Он отодвинул её и несколько минут слушал, как работает холодильник. Они успели созвониться дважды после возвращения. В первый раз говорили о бытовом, во второй связь оборвалась. «Перезвоню», — подумал тогда Кирилл. Сейчас он отдал бы многое, чтобы всё-таки набрать номер в тот день. Он нашёл контакт сестры Сергея. Долго не решался написать, потому что боялся оказаться одним из многих людей с пустыми словами. Потом всё-таки написал: служили вместе, хочу рассказать о нём. Женщина ответила на следующий день.

Они разговаривали почти час. Кирилл рассказывал о кофе, починенных ботинках и привычке Сергея делиться чаем, вспоминая, как тот вёл себя в обыкновенные дни. В какой-то момент сестра тихо засмеялась: дома он делал то же самое. Кирилл понял, что эта узнаваемость важнее красивых слов. Он не возвращал ей брата, но подтверждал, что далеко от дома тот оставался собой.

После разговора открыл фотографии. На одной они стояли рядом и щурились от солнца. Кирилл сохранил её отдельно. В будущем покажет Виктории именно этот снимок. Тогда фотография станет частью оправдания, но сейчас была только памятью. Разница между этими назначениями ещё не существовала. В конце года он наконец разобрал бумаги, оставшиеся после возвращения. Разложил документы по папкам, выбросил упаковки, нашёл материнское письмо и старый лист с календарными чертами. На обратной стороне была хронология сделки, которая привела к задержанию. Кирилл перечитал её и обнаружил, что больше не помнит лица одного из участников. Раньше казалось, что не забудет никогда.

Под бумагами лежала запись, связанная с другим расчётом — тем, который не состоялся январским утром. Кирилл сел, открыл ноутбук, начал восстанавливать доступ к старой рабочей переписке. Там были письма Дениса, сообщения Глеба, короткие подтверждения людей, разъехавшихся в разные страны. Биткоины никуда не исчезли. Он смотрел на баланс без радости. Чужое имущество пережило его отсутствие лучше, чем отношения. На экране сохранялось прежнее число монет, и с него Кирилл начал восстанавливать события январского утра. Оно просто оставалось там, где он его оставил. Кирилл записал число на листке. Потом сложил

листок и убрал в папку, как когда-то убрал в коробку шарф Виктории. Ещё одна незаконченная история, которой следовало заняться. На этот раз ему впервые не захотелось торопиться с окончанием.

Глава шестая
Право пользоваться

Первым делом Кирилл хотел вернуть деньги. Позже он будет уверять себя, что уже тогда знал: прежний владелец исчез и больше ничего не потребует. В тот первый вечер он всё-таки открыл переписку с Денисом и трижды набирал сообщение. Начать с извинения? Тогда выйдет, что он признаёт себя виноватым в срыве сделки. Объяснить, куда пропал? Об этом он и близким ещё толком не рассказал. После стольких месяцев молчания даже простое «перезвоните» звучало как вызов. Кирилл закрыл чат и решил сперва узнать, где теперь Денис и Глеб.

Глеб жил за границей. Выступления отменяли, он ссорился с организаторами, давал интервью. О Москве говорил как о чужом городе. Позднее Кириллу попалась новость, что Глеба внесли в список иностранных агентов. Он дочитал заметку до конца. Глеб по-прежнему оставался человеком, которому Кирилл должен был вернуть деньги.

Из этой неопределённости легко складывалось удобное объяснение: у Глеба теперь другие заботы, Денис занят собственными делами, а к старым договорённостям можно будет вернуться позже. Кирилл перебирал эти мысли как одежду, примеряя, какая меньше жмёт в плечах. Ни одна не делала биткоины его собственностью. Каждая лишь давала повод подождать ещё немного. Он всё-таки написал Денису: «Нужно обсудить незакрытый вопрос. Дай знать, когда удобно». Прождав неделю, Кирилл вернулся в переписку и написал ещё раз. Тогда пришло короткое: «Сейчас не работаю с Глебом. Сам разбирайся». Номер оставался прежним, человек — уже другим участником чужой истории. Кирилл позвонил. Денис ответил раздражённо.

— Ты откуда взялся?

— Долго не было возможности.

— У меня тоже теперь нет возможности.

— Я не про сотрудничество. Остался расчёт.

На другом конце стало тихо.

— Я помню, что осталось.

— Тогда нужен контакт человека, который сейчас представляет Глеба.

— У него десять человек, каждый представляет его по-своему. Напиши ему сам.

Кирилл спросил о документах. Денис ответил, что архив в другом месте, доступа сейчас нет. По голосу чувствовалось, как утомили его вопросы, связанные с прежним работодателем. Кирилл поблагодарил и закончил разговор, оставив за собеседником право самому выбрать срок. Теперь у него было новое основание сказать себе, что он снова попробовал связаться с владельцем.

* * *

Весь следующий год Кирилл следил за курсом почти так же, как за погодой в городе, куда собираешься, но всё не едешь. Когда биткоин дешевел, он вспоминал, что деньги чужие, и успокаивался. Во время роста считать начинал иначе. Сами монеты, разумеется, принадлежали Глебу, а вот прибавку, которую Кирилл так терпеливо ждал, он понемногу записывал на свой счёт. Стоило отказаться от этого удобного рассуждения, и всё становилось ясно. Глеб купил монеты, Глеб рисковал деньгами. Кирилл же на его прибыль уже мысленно выбирал квартиру, откладывал на несколько лет жизни и ехал путешествовать, впервые не сравнивая цены. Однажды Арсений заметил, как часто он достаёт телефон.

— Рынок?

— Купил что-нибудь?

— Есть старый актив.

— Твой?

Вопрос прозвучал без подозрения, но Кирилл поднял голову слишком быстро.

— Под контролем.

Арсений поставил чашку.

— Я не это спросил.

Кирилл рассказал часть истории. Он ограничился общим описанием задержавшегося расчёта, сохранив при себе имя артиста, сумму и сведения об участниках сделки. Арсений слушал, потом задал один вопрос: получено ли разрешение пользоваться деньгами. Кирилл начал объяснять, что владелец недоступен, что документы у бывшего управляющего, что он сам заплатил за связанные обстоятельства дороже любого вознаграждения.

— За связанные или за другие? — спросил Арсений.

Кирилл замолчал.

— Ты ведь говорил, дело было не об этой сделке.

— Формально не об этой.

— Тогда не оплачивай одно другим у себя в голове.

Разговор испортился. Кирилл почувствовал себя человеком, которого уличают в намерении раньше поступка. Пока всё ограничивалось вопросами и мысленным перебором возможностей, он позволял себе продолжать этот расчёт как что-то вполне безобидное. Арсений не требовал отчёта, но именно отсутствие нажима делало его слова особенно неприятными.

— Я не собираюсь красть, — сказал Кирилл.

— Тогда не называй чужое своим будущим.

Кирилл ушёл, оставив недопитый кофе. Через несколько дней они переписывались как обычно, будто разговора не было. Больше Кирилл этого вопроса не поднимал. Он искал человека, который подтвердил бы необычность обстоятельств и тем самым помог ему принять собственное объяснение. Арсений отказался от предложенной роли.

* * *

Первую часть средств Кирилл использовал на необходимое. Во всяком случае, так он назвал это для себя. Нужно было закрыть накопившиеся расходы, оплатить работу специалистов, разобраться с несколькими обязательствами, оставшимися с прежних времён. Он вёл отдельный файл и записывал каждую сумму. Запись превращала присвоение в заём: если всё учтено, значит, можно вернуть. Файл назывался «Временные расходы». Слово «временные» он каждый раз читал с облегчением. Кирилл понимал, что название выбрано не случайно, и всё же оставил. Он вообще часто замечал собственные уловки. Это не мешало пользоваться ими; скорее давало дополнительное ощущение, что он контролирует происходящее. Деньги не превращались в привычную жизнь одним нажатием кнопки. Возникали вопросы, задержки, отказы от сотрудничества. Люди, которые охотно рассказывали о свободе цифровых активов, становились осторожнее, когда требовалось связать их с чьим-то именем и документами. Кирилл не любил вспоминать этот период. В нём было слишком много унизительной зависимости от тех, кому он не доверял.

Он не собирался создавать себе новую проблему и несколько раз отказывался от предложений, звучавших слишком легко. Одного вопроса он себе до сих пор не задал: кто вообще позволил ему распоряжаться этими деньгами? Этот вопрос оставался за пределами таблицы, как неудобное примечание, которое легче убрать с экрана. Потом рынок снова вырос. Сумма, которую Кирилл считал обязанностью, стала выглядеть состоянием. Он открыл расчёт, проверил цифры, поменял валюту отображения. Около десяти миллионов долларов. С учётом того, что уже было переведено в другие активы, и того, что ещё оставалось на прежнем месте. Сам порядок этой величины менял отношение к каждому обычному расходу. Он ожидал радости. Вместо неё почувствовал осторожность: теперь даже случайное слово могло дорого стоить.

Увлекаясь новыми возможностями, Кирилл всё больше сведений о своей жизни оставлял при себе.

Кирилл вышел на улицу без цели. Купил кофе, заплатил картой, взял чек и сразу выбросил. Потом остановился. Несколько лет назад он сохранял такие чеки, чтобы понимать, куда уходит месяц. Теперь мог купить кофейню целиком и всё равно не знал, что делать с ближайшим вечером. Пошёл пешком. В витрине агентства недвижимости увидел фотографию квартиры с террасой. Рядом не было цены, только фраза о приватности и исключительном расположении. Кирилл усмехнулся при мысли, что само отсутствие цены должно многое сообщать покупателю, и охотно принял эту условность, набрав указанный номер.

* * *

Квартиру показывала женщина по имени Лариса. Она не торопилась произвести впечатление, что и произвело его. Пришла без папки с яркими картинками, говорила о шуме, обслуживании дома, состоянии инженерных систем. Кирилл привык, что продавцы роскоши сначала продают образ покупателя. Лариса продавала стены.

— Здесь утром светло, — сказала она. — Летом даже слишком. Шторы лучше сразу предусмотреть.

— Вид из окон вам как?

— Вид хороший. В квартире должно быть удобно и в остальные часы дня.

Квартира оказалась спокойной, почти пустой. Высокие двери, светлый пол, две спальни. Кирилл прошёл из комнаты в комнату, представляя, что здесь можно никого не ждать. Старое жильё было переполнено отсутствующими людьми: Виктория, следователь у стола, мать, которую он так и не пригласил пожить. В новой квартире любая мелочь могла получить собственную историю, и Кириллу хотелось поскорее поселиться среди ещё незнакомых стен.

— Для себя? — спросила Лариса.

— Да.

— Один будете жить?

Она приняла эту особенность спокойно и продолжила расспрашивать о его привычках. Показала кладовую, спросила, нужна ли встреча с техническим специалистом. Кирилл согласился, хотя мог бы просто купить. Ему нравилось изображать рассудительного человека, который принимает решение после проверки. Покупка стала настоящей тогда, когда он начал выбирать розетки и место для стола. Позже он приобрёл вторую квартиру, объяснив покупку инвестиционными соображениями, а затем третью, привлёкшую удобным расположением. В каждом объяснении находилась своя доля правды. Главное Кирилл оставил при себе: ему нравилось возвращаться в разные квартиры и чувствовать, что время каждой из них принадлежит только ему. Он не покупал всё сразу. Между решениями проходили месяцы. Состояние росло, уменьшалось, превращалось в менее заметные формы имущества. К концу этого периода он уже не мог мысленно отделить первоначальные биткоины от собственной жизни. Чужие деньги стали дверями, диванами, перелётами, тишиной в хорошем номере. Возврат денег потребовал бы продать приобретённое и отказаться от уже привычного устройства жизни.

* * *

Покупка первой квартиры не принесла того чувства завершённости, которого Кирилл ожидал. Подписав документы и получив ключи, он приехал туда вечером один. Электричество уже работало, но штор ещё не было. В соседнем доме люди готовили ужин, смотрели телевизор, ходили по комнатам в домашней одежде. Кирилл видел их слишком хорошо и чувствовал, что сам стоит на сцене. Он сел на подоконник, потому что больше сидеть было не на чем. Достал телефон. В этот момент пришло сообщение от человека, который когда-то работал с Глебом на гастролях. Кирилл писал ему несколько недель назад, пытаясь восстановить контакт. Теперь тот прислал номер и добавил: «Попробуй сюда, но он редко отвечает». Кирилл посмотрел на экран. Это было именно то, что он просил. Нельзя было назвать владельца недоступным, не

сделав попытки. Он сохранил номер, открыл вызов, нажал. Ответил женский голос, по-русски, с усталой вежливостью. Кирилл представился и попросил передать, что нужно вернуться к январскому финансовому вопросу. Женщина уточнила год. От этого простого уточнения стало неприятно: для него тот январь оставался началом всего, для людей с другой стороны — одним из многих старых месяцев.

— Я передам, — сказала она.

— Нужен обратный контакт.

— Я передам.

Через несколько дней пришло сообщение с незнакомого аккаунта. В нём говорилось, что Глеб помнит вопрос, сейчас находится в сложном графике и хочет позже спокойно разобраться. Сообщение касалось только будущего разговора, который снова предлагалось отложить. Кирилл ещё раз перечитал его, надеясь найти более определённые слова. Ответив, что готов всё обсудить, Кирилл убрал переписку из видимого списка и решил считать вопрос открытым до следующего сообщения. Он мог бы подготовить расчёт, перечислить остаток, настоять на согласовании. Оставалось ждать, пока объявится владелец. Чем дольше тот молчал, тем меньше Кирилл хотел, чтобы он объявился. В пустой квартире он впервые понял, как имущество меняет нравственную задачу. Пока деньги были числами, вернуть означало совершить действие. Теперь вернуть означало отнять у себя ключ, вид из окна, будущий стол, возможность начать иначе. Вместе с суммой он успел присвоить себе и будущее, которое на неё представил.

Лариса позвонила на следующий день, спросила, всё ли в порядке с приёмкой. Кирилл ответил, что да. Она предложила знакомого специалиста по интерьеру, предупредила, что тот работает медленно, зато не заставляет покупать ненужное. Кирилл согласился и удивился собственному облегчению: разговор о шторах возвращал его в область, где существовали обычные решения. Дизайнер оказался молчаливым мужчиной, который сначала час ходил по квартире с рулеткой, а потом спросил, сколько людей будет здесь жить. Кирилл ответил, что один.

— Гости часто?

— Иногда.

— Нужна вторая спальня или кабинет?

Кирилл выбрал кабинет. Решение показалось важнее планировки: он строил квартиру без постоянного места для другого человека. Дизайнер принял это как техническую информацию и предложил диван, который можно раскладывать. Кирилл согласился, хотя знал, что гостям будет неудобно. Ему нравилась сама временность такого решения. С одеждой вышло иначе. В магазине он хотел просто заменить старый костюм, но продавец предложил примерить несколько вещей вместе.

Через час Кирилл стоял перед зеркалом в совершенно новом сочетании тканей и оттенков. За такую цену он рассчитывал выглядеть красивее. Во всяком случае, смотрелся теперь как человек, у которого всё в порядке.

— Вот это оставляем? — спросил продавец.

Кирилл посмотрел на рукава.

— Да, возьму. Добавьте ещё одну рубашку.

Покупки принесли в отдельных чехлах. Дома он начал перекладывать содержимое карманов старого пиджака: ручку, чек, маленький билет, забытые наушники. Занятие было скучным, но успокаивало. Переодеваясь, он каждый раз перекладывал мелочи, успевшие стать привычными. Только с бумажником, ручкой и прочими повседневными вещами новая одежда начинала ощущаться своей. В следующую поездку собрал отдельный чемодан и оставил его почти готовым. Когда вернулся, не разобрал до конца. В другой квартире появилась ещё одна дорожная сумка. Кирилл начал ценить возможность перемещаться между местами без длительных сборов. Постепенно каждая квартира обрастала собственными вещами и приобретала особое

настроение. В одной квартире он включал музыку. В другой почти всегда работал телевизор без звука. В третьей было тихо, и там ему нравилось читать. Эти различия появились раньше женщин. Позже он объяснит систему отношений удобством, хотя на самом деле уже создал для неё комнаты.

Арсений однажды заехал посмотреть новое жильё. Прошёл по гостиной, выглянул в окно, спросил, не слишком ли далеко кухня от спальни. Кирилл рассмеялся: из всех вопросов это был самый нелепый. Арсений ждал ответа.

— Ты здесь жить собираешься или показывать?

Кирилл ответил, что жить. Через неделю установили более удобный свет в проходе и небольшой стол у кухни. Замечание раздражало, но оказалось полезным. Богатство позволяло построить красивую неудобную жизнь; привычные люди иногда напоминали об этом лучше специалистов. Вскоре он начал приглашать гостей. Обычно заходили один знакомый или пара приятелей, иногда после ресторана приезжала целая компания. Люди хвалили квартиру, интересовались видом, спрашивали цену. Кирилл отвечал уклончиво. По взглядам гостей он замечал, какое впечатление производит квартира, и этого было достаточно. Одна женщина, которую привёл приятель, задержалась у книжного шкафа и спросила, читал ли он всё это. Кирилл сказал, что не всё. Она улыбнулась:

— Спасибо, что не соврал. Обычно здесь начинается экскурсия по интеллекту.

Он запомнил, как легко ему было рядом с этой женщиной хотя бы на несколько минут остаться собой. Ему ещё предстояло понять, что именно такие секунды он будет искать чаще всего — и портить, пытаясь организовать их заранее. Часы он выбирал долго. В салоне говорили негромко, предлагали воду, не задавали вопросов о работе. Кирилл примерил несколько моделей и с удивлением обнаружил, что самая узнаваемая ему не нравится. Он хотел, чтобы вещь была заметна тем, кто понимает, и не требовала объяснений остальным. Продавец показал Vacheron Constantin. Кирилл перевернул запястье, посмотрел на застёжку, на то, как часы уходят под манжету. Глядя в зеркало, он заметил, как хорошо сидит вещь и каким спокойным стало его лицо. Он выглядел человеком, для которого покупка не событие.

— Будете носить каждый день? — спросил продавец.

— Возможно.

— Тогда удобство важнее редкости.

Кирилл согласился. Оплатил, дождался упаковки, вышел на улицу. Через пять минут снял часы и убрал в коробку, потому что захотел показать их Виктории. Это желание застало врасплох. Он постоял, держа коробку в руках, затем снова надел. Любой подарок всё равно потребовал бы разговора, который Кирилл продолжал откладывать.

Вечером он заказал автомобиль с водителем и поехал ужинать один. Официант спросил, ожидает ли он кого-нибудь. Кирилл ответил нет слишком резко. Ему принесли икру, маленькие горячие блины, охлаждённую воду. Он ел медленно, стараясь понять, испытывает ли удовольствие или просто выполняет собственное представление о богатстве. За соседним столом мужчина говорил женщине, что у него сложная неделя. Женщина слушала вполуха, смотрела на телефон. Кирилл узнал интонацию человека, который хочет быть интересным усталостью. Он вспоминал, сколько раз рассказывал Виктории о сложных делах и как ждал от неё восхищения. Теперь чужой голос показался неприятным, как запись собственного.

Он попросил счёт и с удовольствием заметил, как легко принимает указанную в нём большую сумму. Ещё недавно после такого ужина пришлось бы прикидывать, сколько осталось на следующие дни; теперь он мог целиком отдаться вкусу еды и разговору. Эта свобода нравилась сильнее самих покупок. Кирилл понимал, как быстро привыкает к ней и как легко вместе с этим привыкает меньше замечать чужие расходы. От этой мысли стало неловко, однако он всё же заказал ещё кофе и остался за столом.

* * *

Получение новой карты оказалось удивительно будничным. Кирилл ожидал хотя бы какого-нибудь изменения в отношении, но сотрудница банка сверила документы, попросила проверить написание фамилии и объяснила порядок обычных операций. Сумма на счёте не делала его лицо более узнаваемым. За соседним столом спорили из-за комиссии, в коридоре резко звонил телефон; среди этих одинаковых стульев Кирилл особенно остро почувствовал, насколько разные возможности привели сюда людей. Пока ждал окончания оформления, открыл телефон и написал матери, что заедет вечером. Она попросила купить хлеб по дороге, если не забудет. Он посмотрел на короткое сообщение с нелепым разочарованием: хотелось рассказать ей нечто большое, способное изменить привычный порядок заботы. Стоило заговорить об этом, и мать непременно спросила бы, откуда деньги. К этому разговору он так и не был готов. Кирилл подтвердил, что привезёт хлеб, и убрал телефон.

Из банка вышел пешком. Машина стояла за квартал, однако он миновал поворот и зашёл в магазин, где прежде всегда сначала смотрел на ценник. Теперь продавец рассказывал о ткани, посадке, тонкостях ухода, и цена всё время оставалась вторым разговором. Кирилл примерил пальто, повернулся перед зеркалом. Оно сидело хорошо. Покупка стала достаточно лёгкой, чтобы он разрешил её себе сразу. С пальто под рукой он вышел на улицу и удивился тому, сколько внимания прежде уходило на подобные решения. У матери на кухне пахло супом. Она забрала хлеб, повесила новое пальто на крючок и спросила, тепло ли в нём. Кирилл ответил, что да, хотя ещё не успел проверить. Она провела пальцами по подкладке, сказала, что вещь добротная, и позвала к столу. Весь разговор остался посвящён погоде и обычным делам, и Кирилл с облегчением поддерживал его. Он смотрел на прихожую из кухни и испытывал странную обиду: дорогая вещь не сумела сообщить о нём ничего такого, что изменило бы материнскую уверенность, будто она знает собственного сына.

Позже она попросила передвинуть небольшой шкаф. Кирилл сперва предложил вызвать человека, потом поднялся сам. Вместе освободили полку, сняли несколько книг, нашли за задней стенкой старую фотографию. Мать забыла, что потеряла её, и обрадовалась больше, чем его новому пальто. На снимке он стоял у школьного входа с шахматной грамотой, сердито щурясь от солнца. Она поставила фотографию к телевизору, и на этот раз Кирилл ничего не предложил заменить. В машине он проверил баланс, будто надеялся увидеть подтверждение, что всё это действительно произошло. Цифры почти не изменились. Дорогая покупка, обычный ужин, передвинутый шкаф существовали теперь рядом, но никакой единой меры у них не было. Кирилл завёл двигатель и решил, что ему нужна поездка: в другом городе меньше вещей, способных напомнить, кем он был до появления денег.

В Дубай он прилетел без деловой необходимости. В анкете гостиницы указал обычную цель поездки, но внутренне воспринимал её как проверку: можно ли жить иначе, если никто не знает твоего прошлого. Водитель встретил с табличкой, забрал чемодан, не стал навязывать разговор. Кирилл говорил с ним по-английски и наслаждался тем, что язык сам по себе создаёт расстояние от московских событий. Номер был просторным и тихим. Окна выходили на город, который казался построенным для людей с будущим. Кирилл поставил сумку, прошёл в ванную, открыл воду, закрыл. Мрамор, мягкий свет, белые полотенца. Всё предназначалось для его удобства и не требовало ответных обязательств, кроме оплаты. Первые сутки он почти не выходил. Заказывал еду, спал, смотрел на огни. На второй день сходил к бассейну, на третий — гулять. Ни разу не спросил цену перед заказом. От этой свободы вскоре появилось странное утомление: исчезла необходимость выбирать, а вместе с ней часть удовольствия от выбора.

В баре познакомился с испанцем, приехавшим по работе. Разговор начался с того, что тот не мог объяснить официанту, какой кофе хочет. Кирилл помог и получил приглашение присесть. Они проговорили час о городах, еде, разнице между поездкой и жизнью за границей. Испанец спросил, чем он занимается.

— Инвестициями, — ответил Кирилл.

Это слово позволяло удобно объяснить многое, о чём ему прежде приходилось говорить подробнее. Оно ничего не обещало уточнить. Инвестициями можно было заниматься сидя в номере, гуляя у моря, пропадая на неделю. Оно делало безделье похожим на работу, а деньги — на результат.

— Удачно? — спросил собеседник.

Кирилл посмотрел на свой бокал.

— Последнее время — да.

В рассказе об удачных инвестициях он выглядел взрослым мужчиной, который вовремя принял верное решение. Кириллу нравилось повторять эту версию, постепенно меняя подробности под собеседника. Ночью Денис впервые за долгое время написал о старых документах. Речь шла о договорённости с третьим человеком, и Кирилл пообещал поискать файл. Некоторое время он держал телефон в руке, ожидая, что разговор перейдёт к биткоинам. Затем сам начал печатать: «Раз уж ты написал…» — и стёр продолжение. Можно было ответить только на заданный вопрос, отправить документы и ждать дальнейших действий владельца. Кирилл ухватился за эту возможность, хотя прекрасно понимал, насколько удобно устраивает себя в ожидании. Утром он переслал нужный файл, получил короткую благодарность и закрыл переписку. Вопрос о возврате денег снова остался на потом.

* * *

Перед отъездом Кирилл выбрал матери добротную вещь для дома, которую она давно собиралась заменить. Он сравнил несколько моделей, попросил упаковать покупку, а в гостинице поставил коробку возле чемодана. Подарок должен был порадовать её и при этом соответствовать привычному представлению о его заработке. Он всё чаще думал о том, как именно будет отвечать, если мать спросит о деньгах. Перед ней объяснение об инвестициях сразу требовало подробностей: она знала его давно и умела распознать, когда за уверенным голосом скрывается уклончивость. Кирилл открыл файл временных расходов, прокрутил длинный столбец и посмотрел на итог. Название по-прежнему связывало каждую запись с намерением однажды вернуть всё, хотя сумма уже давно превратилась в привычную жизнь. Он закрыл файл, оставив название прежним.

В аэропорту его пропустили в отдельную очередь. В самолёте предложили напиток. Кирилл устроился в кресле и подумал о том, что можно провести остаток жизни, не сталкиваясь с теснотой, ожиданием и чужой грубостью. Мысль была ошибочной, но очень приятной. В Москву он возвращался уже не тем человеком, который приехал домой после первой службы. Тот хотел, чтобы его оставили в покое. Этот начинал понимать, как дорого можно купить собственное отсутствие в чужих заботах.

Вечером ему предстояло увидеться со знакомым в ресторане. Разговор о недвижимости, ничего обязательного. Кирилл согласился без интереса, просто чтобы не проводить ещё один вечер одному. За соседним столом окажется женщина в тёмном платье. Она посмотрит на его часы, потом ему в лицо, и не станет спрашивать, сколько они стоят. Он ещё не знал её имени. Ему впервые за долгое время хотелось познакомиться.

Глава седьмая
Марина

Марина не стала знакомиться с Кириллом из-за часов. Это он потом придумал удобную первую фразу их истории: она заметила Vacheron, он заметил её вкус. На самом деле всё началось с его неудачной попытки помочь официанту. За соседним столом перепутали заказ. Марина объяснила, кому предназначалось блюдо, и указала на сидевшую рядом спутницу. Официант извинялся, переставлял тарелки, путался ещё сильнее. Кирилл, сидевший рядом со знакомым инвестором, сказал, что проще приготовить заново. Марина повернулась.

— Проще кому?

— Всем, наверное.

— Мы не хотим заново. Мы хотим обменяться тарелками.

Она сама передвинула блюда, поблагодарила официанта и вернулась к разговору. Знакомый Кирилла усмехнулся. Кирилл почувствовал себя человеком, который предложил купить новый дом, потому что не знал, как открыть окно. Через несколько минут Марина поднялась, чтобы ответить на звонок. Проходя мимо, сказала:

— Спасибо, что решили помочь.

Она говорила ровно, ожидая простого ответа. Именно это и привлекло его. Кирилл привык угадывать интерес по мелким сигналам; отсутствие сигнала заставляло смотреть внимательнее. Познакомились у гардероба. Её спутница знала его собеседника, разговор возник сам. Марина занималась развитием проектов, могла быстро объяснить, что делает, и не пыталась придать обычной работе загадочность. Он назвал инвестиции и недвижимость, а Марина тут же уточнила, какие сегменты ему интересны. Кирилл почувствовал, что за привычным общим ответом придётся раскрыть и какие-то подробности.

— Вы, оказывается, и правда этим занимаетесь, — сказала она через несколько минут.

— Сначала сомневались?

— У многих инвестиции означают, что они купили квартиру и теперь всем рассказывают о рынке.

Кирилл рассмеялся. В его случае замечание попадало слишком близко к правде, но он достаточно изучил предмет, чтобы выдержать разговор. Ему понравилось ощущение экзамена, который можно сдать, не раскрывая происхождения капитала. Она оставила номер без кокетства. Сказала, что на следующей неделе свободна в среду, а в пятницу занята. Он пообещал написать. Марина кивнула так, будто любое развитие событий будет приемлемым. Кирилл вышел из ресторана с желанием нарушить эту её уверенность в собственной независимости.

* * *

Первое свидание началось с переноса. Кирилл предложил восемь вечера, Марина попросила полдевятого, потом сама позвонила и извинилась: рабочая встреча затянулась. Он ответил, что подождёт. Через десять минут почувствовал раздражение, которое прежде легко объяснял другим, когда задерживался сам. Она пришла без демонстративной спешки. Сняла пальто, ещё раз извинилась и спросила, не успел ли он заказать. Кирилл сказал, что ждал её.

— Зря. Я бы не обиделась.

Он хотел ответить комплиментом, но передумал. Она не требовала ритуальной жертвы голодом, и это было ново. Разговор неожиданно пошёл о работе в маленьких командах. Марина рассказывала о сотруднице, которая прекрасно выполняет задачи, пока не начинает бояться оценки. Кирилл слушал с настоящим интересом. В её рассказе он узнал собственную привычку изображать полный контроль над делами и растерянность, которая возникала при точных вопросах.

— Как вы поступили?

— Перестала говорить «прекрасно» на всё подряд. Теперь она знает, что похвала что-нибудь значит.

— Жестоко.

— Нет. Жестоко улыбаться, а потом сообщить, что человек не подходит.

Кирилл отвёл взгляд. Вечер только начался, а ему уже несколько раз показали его самого, не имея такого намерения. О путешествиях говорили позже. Марина любила Италию за долгие ужины, когда можно спокойно сидеть за столом и продолжать разговор столько, сколько захочется. Кирилл предложил когда-нибудь съездить вместе. Она улыбнулась:

— Давай сначала посмотрим, сможем ли мы закончить один московский ужин без делового совещания.

Кирилл наконец узнал в её голосе ту насмешку, с которой она с ним заигрывала.

* * *

Марина жила одна в квартире, которую обустраивала постепенно. Книги стояли не по цвету, в прихожей лежали две пары спортивной обуви, на кухне был большой рабочий стол вместо нарядного обеденного. Кирилл впервые приехал к ней после дождливой прогулки и сразу заметил, что пространство не предназначено производить впечатление. Оно просто использовалось. Она дала ему полотенце для волос и сказала не ходить в мокрой обуви. Кирилл подчинился с неожиданным удовольствием. В его квартирах никто не запрещал ничего, потому что убирать приходили другие люди. Здесь существовал порядок, установленный конкретным человеком для конкретной жизни. Они готовили пасту. Вернее, готовила Марина, а он пытался угадать, где лежат ножи. Он несколько раз предложил заказать еду, пока она продолжала готовить, и на третьем предложении Марина рассмеялась:

— Кирилл, деньги не ускоряют кипение воды.

Он поднял руки.

— Понял. Больше не вмешиваюсь.

— Лучше помидоры разрежь.

Он резал слишком аккуратно. Она увидела, забрала один кусочек, съела и сказала, что стандарты производства сегодня можно снизить. Кирилл чувствовал себя немного неловко, немного счастливым. Он мог спокойно участвовать в общем разговоре и слушать, как вечер складывается сам. Можно было делать маленькое поручение и слышать, как она напевает что-то под нос. Позже, когда речь зашла о его отъездах по работе, Марина спросила, была ли у него до неё женщина, с которой он думал о семье. Кирилл рассказал, что была женщина, с которой всё закончилось после его долгого отсутствия.

— Ты уехал по работе?

— По обстоятельствам.

Она посмотрела на него.

— Хорошо. Не хочешь рассказывать — не рассказывай.

Он почувствовал благодарность и одновременно раздражение. Ему хотелось, чтобы тайна делала его интереснее, а она просто признала границу.

— Она не дождалась, — добавил он.

Марина отставила чашку.

— Она знала, что ты ждёшь от неё ожидания?

— Это не всегда нужно проговаривать.

— Иногда именно это и нужно.

Он замолчал, и Марина, заметив перемену, перевела разговор. До самого вечера Кирилл подбирал ответ на её вопрос. Ему хотелось возразить, что Виктория должна была сама понимать, чего он от неё ждёт. В памяти при этом возникали собственные короткие ответы и обещания объяснить всё позже, за которыми он привык оставлять её одну.

* * *

Он научился радовать её не сразу. Первый большой букет оказался неудобным: пришлось искать вазу, потом Марина пожаловалась, что цветы заняли половину стола, где лежат рабочие документы. Она поблагодарила искренне, но не скрыла бытовой стороны подарка. Кирилл почти обиделся. Через неделю прислал маленький букет и записку: «Этот должен поместиться». Она позвонила смеясь. С дорогими вещами было ещё сложнее. Марина могла принять украшение, если оно действительно нравилось, но отказывалась от того, что казалось демонстрацией возможностей дарителя. Однажды он предложил оплатить неприятный рабочий расход. Она резко сказала нет.

— Я не собирался тебя обидеть.

— Знаю. Только нас двоих это пока не касается.

— Почему не общая?

— Тебе ведь тогда захочется решать за меня.

Кирилл хотел уверить, что никогда бы так не подумал. Он слишком хорошо знал, как щедрость порой оборачивается ожиданием ответной уступки, и потому замолчал, выбирая слова. Вместо этого спросил, чем может помочь без денег. Марина попросила прочитать письмо партнёру и сказать, не звучит ли оно слишком резко. Кирилл предложил поправить две фразы; одну Марина приняла, другую оставила в прежнем виде. За этим небольшим совместным делом они провели приятный вечер, а на выходные решили поехать в Санкт-Петербург. Кирилл хотел самолёт, Марина предложила поезд: ей нравилось несколько часов смотреть в окно и не проходить аэропортовые ритуалы. Он согласился, хотя считал это менее удобным. В дороге она читала, иногда показывала смешную строку. Кирилл несколько раз открывал телефон, затем убрал.

Они остановились в хорошем отеле, гуляли под мокрым снегом, зашли в музей, где Марина долго стояла перед небольшой картиной. Кирилл посмотрел, не понял, прочитал подпись. Она не стала объяснять, как надо видеть искусство. Просто сказала, что ей нравится свет в углу. Он вернулся к картине и посмотрел ещё раз. Свет действительно был. Ничего особенного не произошло, но на несколько минут он перестал оценивать впечатление деньгами и масштабом. Позже именно эту поездку будет вспоминать как одну из самых спокойных, хотя тогда жаловался на погоду. В последний вечер они спорили из-за ресторана. Кирилл забронировал место, где Марина уже была и не хотела повторяться. Он считал, что должен был устроить ей красивый вечер. Она спрашивала, почему нельзя было сначала уточнить. Спор был не о еде, и оба это понимали. В конце концов пошли в маленькое место неподалёку. Кирилл долго был недоволен, потом рассмеялся над собой. Марина взяла его за руку под столом.

— Ты умеешь делать хорошо. Просто не всегда даёшь людям сказать, что для них хорошо.

Он запомнил фразу, но не сделал из неё правило. В этом состояла одна из его особенностей: Кирилл мог точно понять собственный недостаток и всё равно продолжать жить так, будто понимание уже исправило его.

* * *

В начале лета Марина пригласила его на рабочее мероприятие. Ей хотелось провести этот вечер с ним и показать то, чем занималась последние недели. Кирилл согласился с лёгкостью человека, который ещё не понимает, что смотреть чужую работу иногда сложнее, чем рассказывать о своей. Презентация проходила в небольшом зале. На входе спорили из-за списков гостей, подрядчик задерживал оборудование, девушка с бейджем едва не плакала над ноутбуком. Марина двигалась между людьми без спешки, но всё время успевала оказаться там, где требовалось решение. Кирилл увидел, как твёрдо Марина ведёт трудный рабочий разговор и какую силу вкладывает в спокойные слова.

Ему захотелось помочь. Он предложил знакомого технического специалиста, потом автомобиль, потом просто оплатить замену неработающей вещи. Марина поблагодарила и попро-

сила пока посидеть в зале. Просьба задела. Кирилл почувствовал себя бесполезным приложением к успешной женщине.

Через несколько минут увидел, как она присела рядом с девушкой за ноутбуком, негромко что-то сказала, и та перестала плакать. Деньги в эту минуту действительно не требовались. Презентация началась с задержкой. Один из выступавших забыл порядок слайдов, другой слишком долго рассказывал о себе. Кирилл смотрел на Марину у стены. Она делала короткие пометки, иногда улыбалась кому-то в зале, но в лице сохранялось напряжение. Он заметил, как она волнуется перед началом, и тоже стал ждать, чтобы всё прошло хорошо. После окончания он подошёл и сказал:

— Ты здорово работаешь.

Она посмотрела недоверчиво.

— Правда смотрел?

— Да.

— Не скучал?

— Местами скучал. Смотреть, как ты работаешь, мне понравилось.

Марина рассмеялась и впервые за вечер позволила себе усталость. Опустилась на стул, сняла туфли под столом и попросила воды. Кирилл принёс. Она взяла стакан обеими руками, словно это был дорогой подарок. В машине он предложил ресторан. Марина попросила отвезти домой и заказать что-нибудь простое. По дороге задремала. Кирилл смотрел на неё и чувствовал нежность, не связанную с её красотой. Это была опасная для него нежность: она не нуждалась в зрелищности и потому могла незаметно стать привычкой.

Дома они ели из коробок. Марина рассказывала, кто подвёл, кто неожиданно помог, почему пришлось заменить одну формулировку в последнюю минуту. Кирилл не предлагал решений. Иногда ей достаточно было рассказать о своём дне и почувствовать, что он услышал. Она попросила остаться. Он остался. Утром проснулся раньше, нашёл кофе, попытался приготовить завтрак и разбил чашку. Марина вышла на звук, увидела осколки, засмеялась.

— Только не покупай теперь десять таких же.

— Одну-то можно?

— Одну можно.

Кирилл запомнил это разрешение. В нём была мера, которой ему всё чаще не хватало. Через несколько недель они ездили к её матери. Женщина восстанавливалась после неприятной бытовой травмы и временно жила осторожнее обычного. Марина предупредила, что они просто зайдут в гости. Кирилл усмехнулся. До этой минуты ему и в голову не приходило, что родители могут счесть это знакомство официальным. Мать оказалась живой, ироничной женщиной, которая не стала расспрашивать о доходах. Спросила, умеет ли он нормально есть суп, не отвечая одновременно на телефон. Марина заметила, как он убрал телефон, и усмехнулась. За обедом разговор перешёл к городу, работе и соседям. Кирилл помог переставить несколько вещей, которые мешали проходу. Мать поблагодарила так, будто он выполнил серьёзную работу. Он почувствовал удовольствие, похожее на то, которое испытает позже у забора Николая Ивановича, но пока не умел назвать его. На обратном пути Марина была молчаливой. Кирилл спросил, всё ли хорошо. Она ответила, что устала постоянно чувствовать ответственность за всех.

— За меня тоже?

— Пока нет. Хотелось бы сперва это обсудить.

Он хотел обещать, что никогда не станет проблемой. Слова остановились: после того, что он пережил, обещание было слишком самоуверенным. Вместо этого сказал, что понимает. Марина посмотрела на него и кивнула. Она не знала, насколько много содержалось в этом непривычно коротком ответе. Позже он несколько раз помогал ей с матерью. Заезжал, привозил нужное, однажды просидел час на кухне, пока Марина задерживалась. Сама женщина

рассказывала о дочери не то, что Кирилл ожидал. Она вспоминала смешное детское упрямство Марины, увлекаясь подробностями и смеясь над ними вместе с дочерью. Кирилл увидел Марину человеком, существовавшим задолго до их знакомства, и это почему-то уменьшило его желание управлять впечатлением. Многого он ей так и не рассказал. Тревожный сон, январское задержание, чужие деньги. Он мог обсуждать последствия войны в общих словах, не называя себя участником истории. Марина видела паузы, видела, как иногда меняется его лицо от звука, но не заставляла объясняться. Кирилл принимал это за удобство и не замечал, сколько доверия она ему давала. Однажды вечером она сказала, что не любит проверять людей.

— Это хорошо, — ответил он.

— Не всегда. Я просто не хочу жить следователем у собственного мужчины.

Кирилл посмотрел на неё слишком внимательно. Марина не заметила или сделала вид.

— Я привыкла спрашивать прямо и жду, что мне так же ответят.

Он кивнул. Пока они говорили о честности вообще, Кирилл с Мариной вполне соглашался. Назвать хотя бы одну собственную ложь он не решился бы. Когда позже в его жизни появилась Александра, Кирилл не вспомнил эту беседу сразу. Вспоминать её пришлось уже после первого обмана. Тогда он убедил себя, что Марина не задавала прямого вопроса о той встрече. Формально это было верно. Почти вся его будущая система будет держаться на таких маленьких, формально верных утверждениях. После нескольких месяцев встреч Марина оставила у него вещи. Сначала зубную щётку, потом свитер, затем книгу с закладкой. Каждый предмет был крошечным и ничего не требовал. Марина уезжала домой, а вещи оставались. Открывая шкаф, он всякий раз натыкался на её след.

Кирилл обнаружил раздражение утром, увидев на полке крем. Марина пользовалась им накануне. Он взял баночку, переставил, затем почувствовал себя смешным: человеку с несколькими квартирами не хватило места для крема. Он вернул баночку на полку, но через час опять спрятал в шкаф, и Марина заметила эту перемену.

— Тебе мешает?

— Нет, просто удобнее так.

— Мне неудобнее. Я не знаю, куда ты всё прячешь.

Слово «прячешь» оказалось точнее, чем она предполагала. Кирилл сказал, что любит порядок. Марина рассмеялась и сказала, что в квартире вполне могут оставаться следы обычного дня. Он не предложил съехаться. Она тоже прямо не просила, но в разговоре всё чаще появлялось совместное будущее: летняя поездка, длинные выходные, знакомство с её друзьями. Кирилл соглашался на ближайшее, уклонялся от дальнего. Его свобода до этого состояла в возможности уехать. Теперь требовалось ещё сохранять право не объяснять, почему хочется уехать без неё.

Однажды Марина предложила провести у него целую неделю. У неё ремонтировали часть квартиры, и так было бы проще. Просьба заставила Кирилла представить, как изменится его привычный распорядок, и от этой мысли он сразу напрягся. Сказал, что как раз собирается в командировку.

Командировки ещё не существовало. Через полчаса он купил билет в Дубай. В самолёте почувствовал облегчение и сразу после — стыд. Марина не хотела захватывать его жизнь. Ей нужно было переждать ремонт. Он мог сказать, что не готов к постоянному совместному быту, мог предложить другое решение. Вместо этого предпочёл создать расстояние, которое выглядело объективным обстоятельством. «Жаль, что не совпало», — написала она. Марина даже не упрекнула его, и Кириллу стало ещё совестнее. Это только усилило неприятное чувство.

* * *

Однажды Марина позвала его покупать шторы. Она попросила помочь с перевозкой образцов: длинные свёртки ткани удобнее было забрать на машине. Кирилл приехал с готовностью ускорить процесс: представлял один хороший магазин, консультанта, быстрый расчёт.

Через час они всё ещё ходили между одинаковыми полосами ткани, а Марина возвращалась к оттенку, который он уже считал отвергнутым.

Дома её рабочий стол стоял у окна; слишком плотная ткань забирала свет, слишком лёгкая не скрывала вечером силуэты. Задача имела устройство, которое нельзя было заменить ценой. Он предложил взять два варианта и не мучиться. Марина повернулась, посмотрела на него, затем спокойно объяснила, что не хочет хранить дома ещё одну вещь, купленную только потому, что они устали выбирать. В её голосе не было упрёка обеспеченному мужчине. Она объясняла, как хочет устроить собственную квартиру, и ждала, что он прислушается. Кирилл усмехнулся, признал, что торопит, и впервые за всё утро начал слушать консультанта внимательно.

Пока Марина прикладывала образцы к фотографии окна, ему позвонил знакомый. Предлагал вечером встретиться с людьми, которые могли оказаться полезными в новом проекте. Прежний Кирилл немедленно стал бы выяснять время и состав компании. Теперь стоял посреди магазина, держа сумку с тканью, и чувствовал раздражение оттого, что должен выбирать между двумя занятиями, ни одно из которых не было обязательным. Он сказал, что перезвонит, и снова повернулся к Марине. Она уже заметила перемену лица, но не спросила, о чём говорили. В машине они поссорились из-за мелочи. Он предложил отвезти её домой и вернуться позже, она ответила, что не просила выделять ей остаток дня между настоящими делами. Кирилл начал объяснять, насколько встреча случайная, затем услышал, что объясняет необходимость уйти ещё до принятого решения. На светофоре положил телефон в закрытый отсек, попросил показать, какой из образцов ей всё-таки нравится. Марина помолчала, затем достала фотографию, и они снова стали обсуждать окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.